

КАЛЕНДАРЬ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

НА 1887 ГОДЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

СОСТАВИЛИ:

Р. РУМА

И

и д. Секретаря Пермскаго Статистическаго Комитета

А. ПРОЗОРОВСКИЙ.

Издание Пермскаго Статистическаго Комитета.

К.К.

ПЕРМЬ.

Типо-литографія Губернскаго Правленія.

1886.

Отдел хранения
Гос. Публ. библиотек
и. В. Г. БЕЛИНСКОГО
г. Свердловск

058/470

К 177

03

55382677
6
+

ОТДѢЛЪ II.

Поѣздка на рѣку Чусовую.

По моимъ служебнымъ занятіямъ мнѣ представилась возможность познакомиться со многими живописными мѣстностями Урала. Громадные, въ нѣсколько десятковъ верстъ, озера, которыя лежатъ въ живописной гористой мѣстности восточнаго склона Урала, по дорогѣ изъ Екатеринбургa въ Златоустъ; великолѣпная панорама горъ, представляющаяся непрерывною лентой съ Миасской долины, знаменитой своими золотоносными розсыпями; еще болѣе роскошная панорама безконечныхъ отроговъ Урала, открывающаяся съ вершины горы, которая возвышается съ южной стороны надъ Златоустомъ, — произвели на меня, привыкшаго къ степнымъ мѣстностямъ южной и центральной Россіи, глубокое впечатлѣніе, которое никогда не изгладится изъ памяти. Въ нынѣшнемъ 1885 году, мнѣ удалось проплыть значительную часть рѣки Чусовой, о красотѣ береговъ которой я давно уже много слышалъ. Впечатлѣніями этой поѣздки я рѣшился подѣлиться съ другими любителями природы.

Такъ какъ цѣлью моей поѣздки на этотъ разъ былъ осмотръ лѣсной Илимской дачи, принадлежащей къ Гороблагодатскому казенному горному округу, и ознакомленіе съ Илимской пристанью и ея судостроительнымъ заведеніемъ, то я и рѣшился ѣхать по желѣзной дорогѣ до Нижняго Тагила, отъ котораго легче попасть на Илимскую пристань, нежели изъ другого какого либо мѣста. Я предполагалъ затѣмъ, если представится возможность и погода будетъ благопріятствовать, возвратиться уже не черезъ Тагилъ, а сплыть внизъ по Чусовой и Камѣ до Перми. Въ эту поѣздку я рѣшился взять съ собою двухъ старшихъ своихъ сыновей, для которыхъ она могла быть также поучительною; кромѣ того въ Тагилѣ мы должны были встрѣтить одного изъ моихъ сослуживцевъ, котораго я также рѣшилъ взять на Чусовую.

Какъ только, послѣ продолжительныхъ дождей и холодовъ, настала въ концѣ іюня хорошая погода, мы начали собираться въ путь; нужно было взять съ собою котелокъ, посуду, постели и запастись, на случай, теплымъ платьемъ, а главное принадлежностями ружейной охоты, такъ какъ мы много наслышались о необыкновенномъ обиліи

разной дичи на Чусовой. Къ 28 іюню всё сборы были окончены, и мы въ этотъ день рѣшили было выѣхать, но принуждены были отложить отъѣздъ на два дня, такъ какъ именно въ день назначенный для выѣзда, въ Пермь привезли тѣло извѣстнаго Демидова, кн. Савъ-Донато, которое направлялось, съ особымъ экстреннымъ поѣздомъ, въ Нижній Тагилъ, для торжественныхъ похоронъ въ семейномъ склепѣ; во время этихъ похоронъ мнѣ, конечно, не удалось бы осмотрѣть Тагильскіе заводы. Поэтому мы и выѣхали изъ Перми 30 Іюня въ 9¹/₂ часовъ вечера; на другой день, въ первомъ часу пополудни, мы были въ Нижнемъ Тагилѣ. Къ сожалѣнію, оказалось, что мы выѣхали все-таки слишкомъ рано: все заводское начальство и все населеніе завода было занято хлопотами по случаю только что окончившихся похоронъ кн. Савъ-Донато, и потому ознакомиться съ заводомъ ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій не было возможности; пришлось ограничиться только наружнымъ его осмотромъ и осмотромъ желѣзныхъ и мѣдныхъ Тагильскихъ рудниковъ.

Нижній Тагилъ—одинъ изъ первыхъ мѣдиплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, возникшихъ на Уралѣ еще при Петрѣ Великомъ; притомъ это чуть-ли не единственный заводъ, который оставался съ самаго начала во владѣніи одной и той-же фамиліи Демидовыхъ. Въ настоящее время заводъ этотъ представляетъ обширное поселеніе, съ нѣсколькими церквями, широко раскинувшееся по обоимъ берегамъ рѣчки Тагила, въ живописной мѣстности на восточномъ склонѣ Урала. Нижній Тагилъ, и по постройкамъ и по населенію, скорѣе выгладитъ хорошимъ уѣзднымъ городомъ, нежели простымъ заводскимъ поселеніемъ. Всѣ заводскія строенія, домъ главной конторы, дома служащихъ, огромный госпиталь—имѣютъ характеръ старинныхъ, прочныхъ и долговѣчныхъ построекъ. Главная контора помѣщается въ обширномъ зданіи, украшенномъ портиками съ колоннами; въ срединѣ зданія ворота ведутъ на широкій дворъ, въ глубинѣ котораго, прямо противъ нихъ, домъ для главноуправляющаго, а налѣво для пріѣзда владѣльцевъ; въ этомъ послѣднемъ помѣщалась, въ то время, когда мы были въ Тагилѣ, княгиня съ семействомъ. Дома управляющаго и владѣльцевъ примыкаютъ съ другой своей стороны къ обширному пруду, на десятокъ верстъ разлившемуся по каменистой котловинѣ рѣчки Тагила. Въ верховьѣ пруда есть живописный островъ съ домомъ на немъ, въ которомъ любилъ, говорятъ, проживать по лѣтамъ одинъ изъ прежнихъ владѣльцевъ завода; островъ этотъ называется островомъ Калипсы. Вообще всё окрестности пруда чрезвычайно живописны. Рядомъ съ домомъ главной конторы обращаетъ на себя вниманіе, не гармонирующій съ другими постройками, большой, но низкій одноэтажный каменный домъ, облѣзлый, съ покривившимися оконными рамами, очевидно очень старинной постройки. Въ этомъ домѣ въ прежнее вре-

мя помѣщалась гостинница для прїѣзжихъ гостей и чиновниковъ, которые могли здѣсь жить сколько угодно, пользуясь во все время, конечно бесплатно столомъ, прислугой и всѣми удобствами; въ настоящее время этотъ домъ служить, какъ говорятъ, складомъ шампанскихъ бутылокъ стараго времени. Здѣсь все показываетъ, что прежніе владѣльцы Нижняго Тагила любили подолгу проживать въ своихъ богатыхъ заводахъ. Правѣе конторы у плотины пруда высятся трубы громаднхъ, собственно заводскихъ, построекъ. Посреди большой центральной площади, почти противъ главной конторы, воздвигнуть, прекрасно исполненный изъ чугуна, но замысловатый и курьезный по пдеѣ, памятникъ Николаю Никитичу Демидову, правнуку родоначальника Демидовыхъ. Памятникъ этотъ представляетъ высокій четырехсторонній пьедесталъ, на обширномъ основаніи котораго, по угламъ, поставлены группы, состоящія, каждая, изъ двухъ фигуръ—женской и мужской. Первая группа представляетъ сидящую женщину въ древне-греческомъ костюмѣ, съ крылышками на головѣ; возлѣ нея стоитъ мальчикъ съ раскрытою книжкой и указкой;—это маленькій Демидовъ учится мудрости у какой-то богини. Вторая представляетъ ту-же женщину или богиню, въ подолъ которой юноша высыпаетъ плоды изъ рога изобилія;—это юноша Демидовъ приноситъ своей учительницѣ плоды ученія. Въ третьей группѣ Демидовъ, въ возмужаломъ возрастѣ, представленъ въ военномъ мундирѣ—защитникомъ отечества, изображеннаго женщиной въ очень печальномъ видѣ. Наконецъ, въ четвертой группѣ Демидовъ является уже въ старости покровителемъ наукъ, художествъ и торговли, представленнхъ тоже какою-то женщиной. На самомъ пьедесталѣ возвышается колоссальная группа, также изъ двухъ фигуръ—мужской, представляющей Демидова, украшеннаго орденами и покровительственно протягивающаго руку помощи колѣнопреклоненной передъ нимъ коронованной женщинѣ, которая якобы изображаетъ изнемогающій Тагиль. Извощикъ, съ котормъ мы ѣхали въ Тагиль со станціи желѣзной дороги, объяснилъ намъ этотъ памятникъ проще: наверху представленъ Демидовъ съ женою, а по угламъ внизу все его семейство.—Ближе къ желѣзнодорожной станціи, на другой, меньшей, площади, поставленъ чугунный-же, также большой памятникъ, изображающій на четырехстороннемъ пьедесталѣ сидящую фигуру Карамзина (сына исторіографа), который былъ женатъ на одной изъ Демидовыхъ. Объ этомъ Карамзинѣ между стариками рабочими сохранилось самое благодарное воспоминаніе. Старикъ, караульный на мѣдномъ рудникѣ, мнѣ рассказывалъ о Карамзинѣ, что когда онъ прїѣхалъ управлять заводомъ, то рабочіе свѣтъ увидали,—со всѣми обращался милостиво, всѣмъ увеличилъ жалованіе, которое до него было крайне скудно;—недолго только онъ у насъ пробылъ, прибавилъ старикъ,—какъ зачалась турецкая война (Севосто-

польская), пошелъ на войну, да скоро тамъ и голову сложилъ; царство ему небесное, добрый былъ человекъ до нашего брата рабочаго; такого барина не найдемъ.

Въ Нижнемъ Тагилѣ давно уже, болѣе 25 лѣтъ, служитъ главнымъ врачомъ госпиталя мой товарищъ по гимназiи докторъ П. В. Рудановскій; въ средѣ радушнаго семейства его мы съ величайшимъ удовольствіемъ провели тѣ два дня, которые я могъ остаться въ Тагилѣ. П. В. доставилъ мнѣ возможность осмотрѣть, наиболѣе меня интересовавшіе, Тагильскіе желѣзные и мѣдные рудники; съ этою цѣлью, послѣ обѣда, въ день нашего пріѣзда, П. В. устроилъ прогулку на знаменитую Магнитную гору, кругомъ которой и расположены выработки желѣзной руды. Довольно большою компаніей, на нѣсколькихъ дрожкахъ, захвативши съ собой чайныя принадлежности и разныя закуски, выѣхали мы отъ П. В., часовъ около шести вечера.

Магнитная гора находится не болѣе какъ въ двухверстномъ разстояніи отъ самыхъ заводовъ, гдѣ выплавляется чугуны, а довольно пологій подъемъ на ея восточный склонъ начинается тотчасъ за самымъ поселеніемъ заводовъ; возлѣ дороги этой склонъ весь изрытъ глубокими старинными выработками, покрытъ громадными буграми древнихъ отваловъ и вообще представляетъ грандіозную картину разрушенія горы, произведеннаго милліономъ человѣческихъ рукъ; нынѣшнія выработки идутъ, какъ на этой, такъ и на западной сторонѣ горы, уже дальше отъ той дороги, по которой мы ѣхали. Магнитная гора не представляетъ отдѣльной высокой сопки, подобно горѣ Благодати; она составляетъ одинъ изъ отроговъ окружающихъ горъ, принявшій въ настоящее время, вслѣдствіе старыхъ многочисленныхъ выработокъ, весьма неправильную форму. Переѣхавъ вершину горы, покрытую лѣсомъ, мы остановились на западномъ ея склонѣ, на довольно ровной площадкѣ, покрытой мелкою порослью хвойнаго лѣса и можжевельника и представляющей родъ мыса съ весьма крутыми боками изъ осыни хряща. Глубоко налѣво оврагъ, поросшій лѣсомъ, отдѣлялъ эту площадку отъ западнаго склона Магнитной горы, на которомъ, прямо противъ насъ, находился одинъ изъ обширныхъ рудниковъ; оврагъ, загибаясь направо, соединяется съ обширною долиною, по которой прихотливыми изгибами течетъ рѣчка Тагилъ; на западѣ долина замыкается высокими зубчатыми пиками главнаго хребта Урала. Полюбовавшись великолѣпнымъ видомъ на эту долину, освѣщенную лучами склонявшагося уже за Уралъ солнца, мы пошли осмотрѣть рудникъ западнаго склона Магнитной горы.

Характеръ выработокъ этого рудника тотъ-же самый, что и на горѣ Благодати: рудникъ представляется обширною, замкнутою почти въ цѣлый кругъ, глубокою котловиной, бока которой спускаются внизъ широкими террасами, представляющими какъ-бы гиганскія ступени,

по которымъ спускаются на дно рудника; съ террасы на террасу идутъ отлогіе спуски, по которымъ, на небольшихъ двуколесныхъ телѣжкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь, вывозится руда и складывается въ правильныя кучи на свободныхъ мѣстахъ около рудника, а затѣмъ обжигается и поступаетъ на заводы. По мѣрѣ выработки, причѣмъ руда отрывается отъ боковъ террасъ при помощи динамита, котловина рудника все болѣе и болѣе расширяется, оставаясь постоянно террасовидною; такимъ образомъ рудникъ этотъ, равно какъ и всѣ другіе, какъ на Магнитной горѣ, такъ и горѣ Благодати,—весь на виду; подземныхъ работъ, которыя обыкновенно соединяють съ понятіемъ о рудникахъ, здѣсь вовсе нѣтъ. Магнитные желѣзняки Тагильскихъ рудниковъ считаются наилучшими на Уралѣ по качеству и процентному (до 66°/_o) содержанию въ нихъ желѣза. Гора Магнитная принадлежитъ не однимъ Тагильскимъ заводамъ; здѣсь имѣють участки еще пять другихъ заводовъ: Ревдинскій, Суксунскій, Невьянскій, Верхъ-Исетскій и Алапаевскій; это дѣленіе горы произошло отъ раздѣла заводовъ, построенныхъ родоначальникомъ Демидовыхъ, Тульскимъ оружейнымъ мастеромъ Никитою Демидовичемъ, между его сыновьями и внуками. Всѣ эти заводы, кромѣ Нижне-Тагильскихъ, перешли въ послѣдствіи изъ фамиліи Демидовыхъ въ другія руки.

Осмотрѣвъ выработки, мы возвратились къ мѣсту стоянки, гдѣ былъ готовъ уже самоваръ. Хорошо было посидѣть на краю обрыва и полюбоваться на багряный закатъ солнца позади Урала, на прихотливо разрисованныя пурпуромъ облачка, рѣзко отличавшіяся отъ темнѣвшей зелени долинъ и синевы отдаленныхъ горъ. Послѣ знойнаго дня въ воздухѣ чувствовалась пріятная прохлада, веселый смѣхъ раздавался снизу долины, куда молодежь взапуски сбѣгала по крутой осыпи, на которую приводилось потомъ взбираться уже карабкаясь и руками, и ногами. Вспомнилось мнѣ далекое время моей молодости, вспомнилась такая-же прогулка далеко на моей родинѣ, въ большомъ веселомъ обществѣ молодежи, когда и я могъ бѣгать по горамъ, не чувствуя усталости; далеко не такая тамъ живописная мѣстность, а какъ хорошо тогда было!.. Поздно уже возвратились мы по домамъ.

Утромъ слѣдующаго дня мы отправились осматривать мѣдные рудники. Рудники эти не имѣють ничего сходнаго съ осмотрѣнными наканунѣ желѣзными рудниками; они лежатъ глубоко подъ землею возлѣ самаго поселенія Нижняго Тагила и частію подъ самой площадью поселенія. Мѣдные рудники Тагила, вырабатываемые уже въ продолженіе полутора столѣтій, славились въ прежнее время превосходнымъ малахитомъ; въ настоящее время они значительно уже бѣднѣе не только чистымъ, хорошаго качества, малахитомъ, но и самымъ содержаніемъ мѣди въ рудѣ; хорошій малахитъ, образцы котораго мы видѣли въ рудничной конторѣ, попадаясь весьма рѣдко, въ настоящее

время на мѣстѣ цѣнится не мѣнѣе четырехъ рублей за фунтъ, а содержаніе мѣди въ рудахъ, добываемыхъ съ глубины около ста сажень, не превышаетъ 3,7‰ и максимумъ 4‰. Невольно приходитъ на мысль сравненіе съ рудами Юговскаго казеннаго завода, гдѣ руда, съ немного меньшимъ процентнымъ содержаніемъ мѣди, добываемая съ глубины 16—18 сажень, причемъ и добываніе ее, какъ залегающей въ мягкихъ породахъ, не требуетъ даже взрывчатыхъ веществъ, — и все-таки казенное управленіе считаетъ плавку такой руды невыгодною, несмотря на то еще, что мѣдь Юговская имѣетъ качества далеко лучшія Тагильской мѣди.

Въ рудничной конторѣ намъ предложили переодѣться въ кожаные кафтаны, для предохраненія отъ грязи и сырости, дали за поясъ по фонарю и по двѣ въ запасъ свѣчи, и мы вчетверомъ, два моихъ сына, молодой человѣкъ — зять Рудановскаго и я, съ проводникомъ, отправились въ главную шахту рудника. Широкая вертикальная шахта, какъ и вездѣ въ рудникахъ, раздѣлена во всю глубину на двѣ неравныя части; въ одной изъ нихъ, большей, на проволочныхъ канатахъ, ходятъ двѣ широкія четырехстороннія бадьи, въ которыхъ поднимается руда; въ другой, значительно меньшей, двигаются въ водоотливныхъ насосахъ громадныя поршни, и тутъ-же, въ весьма тѣсномъ пространствѣ, прикрѣплены, почти совершенно вертикально, стремянки, въ 2½ саж. длиною каждая, для спуска въ шахту. Надо сказать, что эти стремянки, крайне неудобны, притомъ переходъ отъ одной изъ нихъ къ другой долженъ совершаться просто по положеннымъ поперекъ шахты бревнамъ; надо принять еще во вниманіе, что и стремянки, и бревна и стѣны шахты покрыты слизью отъ постоянно капающей воды. Храбро сначала я сталъ спускаться по этимъ стремянкамъ, охваченный прохладой, которая особенно была пріятна при жарѣ на поверхности земли; но вскорѣ силы начали мнѣ измѣняться, я долженъ былъ пропустить мимо себя молодежь съ проводникомъ, а самъ остался назади. Спустившись сажень около пятидесяти, я наконецъ почувствовалъ, что моихъ силъ на подобное путешествіе не хватитъ; спускаться было еще сносно, но мысль о томъ, что нужно будетъ подниматься потомъ по этимъ стремянкамъ, цѣпляясь и руками и ногами, что, конечно, несравненно тяжеле, меня окончательно остановила; крикнувъ своимъ спутникамъ внизъ, чтобы они меня не ожидали, такъ какъ я дальше не пойду, я усѣлся на бревно, желая собраться съ силами для подъема. Мимо меня, за бревенчатой стѣной, отъ времени до времени, съ особеннымъ шумомъ, проходили бадьи съ рудой, да рядомъ прерывисто выдавливалась поршнемъ насоса вода въ большой желѣзный ящикъ, изъ котораго другимъ насосомъ производилось дальнѣйшее ея поднятіе. Стоило полюбоваться на громадной толщины лиственничныя бревна, изъ которыхъ сдѣлана шахта, — та-

кой толщины лиственницы мнѣ до-сихъ поръ не приводилось еще видѣть. Удивило меня въ шахтѣ еще то, что какъ только я сѣлъ на бревно, тотчасъ-же мой фонарь окружило множество весьма мелкихъ мошекъ—зачѣмъ онѣ забрались на такую глубину! Посидѣвши минутъ двадцать и перемѣнивъ догоравшую въ фонарѣ свѣчку, я сталъ подниматься. Сначала я могъ безъ отдыха взлѣзать на двѣ стремянки, но вскорѣ силы начали такъ слабѣть, что поднявшись и на одну стремянку, мнѣ приходилось каждый разъ садиться на бревно и отдыхать минутъ пять. Хорошо, что я не рѣшился спускаться дальше,—долго бы потомъ пришлось мнѣ подниматься съ глубины ста сажень, да кромѣ того пришлось бы впоследствии поплатиться еще большей болью мускуловъ. Надо сказать, что когда я вышелъ наконецъ изъ шахты, то, чувствуя сильную усталость, усѣлся на лавочкѣ подъ навѣсомъ крыши, въ ожиданіи возвращенія моихъ сыновей; черезъ полчаса усталость совсѣмъ прошла и я не чувствовалъ никакой боли ни въ рукахъ, ни въ ногахъ; я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончилось, однако сильно ошибся: на другой день стала чувствоваться боль во всѣхъ мускулахъ рукъ и ногъ, а на третій день боль такъ усилилась, что я едва могъ ходить, затѣмъ только дней пять спустя эта боль совершенно прекратилась. Рабочіе привыкаютъ, конечно, къ такимъ путешествіямъ, но все-таки надо удивляться, какъ въ такихъ глубокихъ шахтахъ не устраиваютъ подъемныхъ машинъ,—много и времени и силъ сохранялось бы; спускаться-же и подниматься въ бадьяхъ дѣло необычное; хотя проволочный канатъ повидимому и надеженъ, однако на грѣхъ мастера нѣтъ.

Отдохнувши и не дождавшись возвращенія сыновей, я хотѣлъ уже идти ожидать ихъ въ конторѣ, какъ оттуда пришелъ мальчикъ и сказалъ, что всѣ мои спутники уже съ четверть часа какъ вышли; оказалось, что, спустившись на дно шахты и осмотрѣвъ выработки, они штольнями прошли къ другой шахтѣ, отстоящей отъ той, по которой спускались, сажень на полтора, и тамъ поднялись. У сыновей хотя потомъ и болѣли ноги, но далеко не такъ какъ у меня—молодые мускулы выносливѣе.

Мѣдная руда Тагильскаго рудника залегаетъ жилами въ каменистой породѣ, а потому выработки производятся здѣсь при помощи динамита, взрывы котораго однакоже совершенно неслышны на поверхности земли; штольни здѣсь требуютъ вообще мало деревянныхъ крѣпей, своды ихъ держатся и безъ того прочно. Въ Тагильскихъ рудникахъ есть штольни, въ которыхъ воздухъ, несмотря на хорошую вентиляцію, имѣетъ очень возвышенную температуру, такъ что работаютъ въ такихъ мѣстахъ почти совершенно безъ одежды. Эта возвышенная температура безъ сомнѣнія зависитъ отъ химическихъ процессовъ, совершающихся въ окружающихъ горныхъ породахъ, между

которыми встрѣчается много сѣру содержащихъ породъ, способныхъ даже къ горѣнію. Такъ, 14 лѣтъ тому назадъ, случайно забытый огонь въ кузницѣ, находившейся въ рудникѣ, распространился на окружающую породу; по счастью, это было въ праздничный день, когда рабочихъ въ рудникѣ было лишь нѣсколько человѣкъ; однакоже шестеро изъ нихъ, бросившись къ выходной шахтѣ, вслѣдствіе потухшаго фонаря, въ нее не попали и задохнулись отъ дыма; остальные укрылись до прибытія помощи въ глухой рукавъ одной изъ штолень и тѣмъ спаслись. Пожаръ рудника, несмотря на всѣ усилія къ прекращенію, продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что принудилъ наконецъ заводоуправленіе прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—къ затопленію всего рудника водою изъ рѣчки. Нововведеніе, которое я здѣсь встрѣтилъ—это телефонъ, соединяющій контору со штольнями.

Поблагодаривъ любезныхъ и предупредительныхъ служащихъ въ конторѣ, мы отправились къ Рудановскому, у котораго и провели весь этотъ день. Хотѣлось бы больше пробыть въ Нижнемъ Тагилѣ, но такъ какъ я не могъ слишкомъ свободно располагать своимъ временемъ, то и пришлось проститься съ моимъ добрымъ товарищемъ П. В., чтобы, для дальнѣйшей поѣздки уже на лошадяхъ, воспользоваться прохладой наступавшаго вечера и ночи; ѣхать до Илимской пристани приходилось съ небольшимъ сто верстъ и мы надѣялись еще до наступленія жара слѣдующаго дня быть на мѣстѣ. Въ половинѣ девятого вечеромъ мы выѣхали изъ Нижняго Тагила на двухъ телѣжкахъ, корбушкахъ, какъ ихъ здѣсь называютъ; это небольшія, плетенныя изъ ивовыхъ прутьевъ корзины, поставленныя на довольно длинныхъ дрогахъ, съ желѣзными осями и хорошо окованными колесами. Такія корбушки, весьма удобныя по проселочнымъ дорогамъ, здѣсь весьма распространены; онѣ приготовляются преимущественно кустарями Воткинскаго завода и расходятся оттуда по Пермской и Вятской губерніи. Въ Нижнемъ Тагилѣ кустарная промышленность иная: тагильскіе кустари отличаются работою желѣзныхъ ведеръ и *туесовъ* или *бураковъ*. Ведра дѣлаются обыкновенно довольно широкія и низкія; но главное отличіе ихъ отъ употребляемыхъ вездѣ желѣзныхъ ведеръ,—это ихъ окраска и разрисовка букетами цвѣтовъ, птицами, позолотой и разными фантастическими узорами; въ большинствѣ эта разрисовка слишкомъ пестра и безвкусна, но краска держится очень прочно и покрыта отличнымъ лакомъ; пара такихъ ведеръ стоитъ въ Тагилѣ отъ 75 к. до 1 р. 50 к. Туесы или бураки—это различной величины цилиндры, сдѣланные изъ бересты, съ плотно вогнаннымъ дномъ и съ крышкой, снабженной дугообразной ручкой; эти туесы извѣстны и общепотребительны по всей Россіи, но въ Нижнемъ Тагилѣ ихъ приготовляютъ замѣчательно изящно; всѣ они оригинально расписаны снаружи, такъ же какъ ведра, и покрыты (болѣе дорогіе) прекраснымъ блестящимъ

лакомъ; на нихъ нерѣдко, въ послѣднее время, кромѣ цвѣтовъ и позолоты, можно встрѣтить и переводныя картинки; внутренняя поверхность туеса не красится и состоитъ изъ гладкой цѣльной трубки бересты, содранной съ соответствующей толщины куска дерева; все это вмѣстѣ и чрезвычайно прочно, и красиво. Такіе туеса, смотря по величинѣ и отдѣлкѣ, стоятъ отъ 20 коп. и до рубля.

По маршруту, выписанному мною изъ словаря Чушина, намъ слѣдовало ѣхать изъ Нижняго Тагила на Черноисточинскій заводъ, оттуда на деревни Романову, Сулемъ и въ Илимку; путь этотъ рекомендовался, какъ ближайшій и удобнѣйшій. Такъ мы и отправились, взявши въ Нижнемъ Тагилѣ лошадей до Черноисточинскаго завода.

Дорога отъ Нижняго Тагила на Черноисточинскій заводъ прорѣзана въ лѣсахъ почти по совершенно прямому направленію и идетъ постепенно, поднимаясь на главный хребетъ Урала; дорога эта весьма сносная, ѣхать по ней было удобно. Здѣсь мы были случайно свидѣтелями начала лѣснаго пожара, которыми такъ богатъ Уралъ въ сухое лѣтнее время года: у самой дороги, недалеко отъ Висимо-Шайтанскаго завода, происходила заготовка дровъ; окончивъ къ вечеру работу, дроворубы разложили въ лѣсу большой костеръ; мы спускались въ это время съ горы, на которой шла заготовка; едва мы отъѣхали отъ костра съ версту, какъ, случайно оглянувшись назадъ, увидѣли, что около костра охвачено пожаромъ уже болѣе десятины лѣса. При крайней неосторожности рабочихъ такіе случаи здѣсь не рѣдкость.

Въ Черноисточинскомъ заводѣ насъ ожидало разочарованіе относительно нашего маршрута: содержатель земской станціи, на заявленное нами намѣреніе ѣхать на деревни Романову и Сулемъ, прямо сказалъ, что никакихъ такихъ деревень онъ не знаетъ, что возятъ они только по двумъ направленіямъ—на Нижній Тагилъ и на Висимо-Уткинскій заводъ и что другихъ дорогъ никакихъ здѣсь нѣтъ; при этомъ онъ прибавилъ, что во всякомъ случаѣ, если мы желаемъ ѣхать на Чусовую, то нужно ѣхать на Висимо-Уткинскій заводъ, гдѣ также есть земская станція. Нечего дѣлать, взявши у него свѣжихъ лошадей, отправились мы на Висимо-Уткинскій заводъ.

Здѣсь дорога спустилась въ глубокую и тѣсную долину; окружающія горы всѣ покрыты сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Насъ поразило здѣсь необыкновенно жаркій, даже удушливый воздухъ, который, несмотря на прохладную ночь, мы встрѣчали мѣстами въ этой долинѣ: ѣдемъ прохладнымъ воздухомъ и вдругъ въѣзжаемъ въ полосу совершенно другой температуры, точно изъ раскаленной печи пахнетъ въ лицо жаромъ, а затѣмъ дальше, сажень сто, полтора—опять прохладно. Надо полагать, что весь воздухъ этой долины, извиистой и запертой со всѣхъ сторонъ высокими горами, остается, послѣ жаркаго дня, и ночью теплымъ; прохлада же чувствуется тамъ, гдѣ встрѣ-

чаются горные источники, образующіе мѣстами болотистую почву; во всякомъ случаѣ переходы отъ теплаго къ прохладному воздуху были чрезвычайно рѣзки. Въ той-же долинѣ, по обѣ стороны дороги, можно было любоваться множествомъ свѣтляковъ, съ весьма яркимъ свѣтомъ, которые безпрерывно мелькали между кустами, освѣщая своимъ фосфорическимъ свѣтомъ довольно большіе около себя кружки. Здѣсь-же встрѣтили мы таборъ цыганъ, которые покойно спали подъ своими широко раскинутыми крылатыми шатрами. Куда только не забредаютъ эти вольные кочевники.

Выѣхавъ изъ долины и переѣхавши въ бродъ маленькую рѣчку, мы остановились, уже на разсвѣтѣ, посмотреть на работы *старателей*, промывавшихъ платинусодержащіе пески. Платиновые россыпи эти, равно какъ и заводы Черноисточинскій, Висимо-Шайтанскій и Висимо-Уткинскій, принадлежатъ Демидовымъ, владѣнія которыхъ простираются въ эту сторону верстъ на восемьдесятъ отъ Нижняго Тагила. Россыпи лежатъ почти на самой поверхности земли, подъ незначительнымъ только слоемъ растительной почвы; мы остановились у одной группы рабочихъ, состоявшей изъ шести человекъ; они промывали песокъ возлѣ самой дороги. У промывнаго рѣшета, въ которое пропущена черезъ жолобъ довольно сильная струя воды изъ рѣчки, стояли двѣ женщины съ желѣзными лопатами, безпрерывно работавшія ими въ рѣшетѣ; двое мужчинъ подвозили къ нимъ на тачкахъ песокъ, а двое другихъ рыли его въ прибрежномъ бугрѣ, отстоящемъ отъ промывки только шаговъ за пятьдесятъ. Работа шла очень быстро: едва всыпалась тачка песку въ рѣшето, какъ женщины быстро съ обѣихъ сторонъ начинали мѣшать въ немъ песокъ съ водою и какъ только песокъ и глина стекали изъ рѣшета, онѣ также быстро выбрасывали оставшуюся въ рѣшетѣ гальку въ отвалы, а рѣшето тотчасъ-же насыпалось новой тачкой песка. Черезъ два дня такой работы, начинающейся съ разсвѣтомъ и оканчивающейся позднимъ вечеромъ, при осмотрѣ промывнаго снаряда, въ немъ оказывается отъ 8 до 10 золотниковъ платины, которая и сдается владѣльцу промысловъ по 40 коп. за золотникъ; такимъ образомъ каждый рабочий выработываетъ около 30 коп. въ день, а иногда, какъ они говорятъ, и на хлѣбъ не выработаешь. Эта низкая плата вѣроятно и есть причина того, что здѣсь, какъ мы слышали потомъ, чуть не треть добытаго старателями металла идетъ не владѣльцу промысловъ, а хищнически продается постороннимъ скупщикамъ, преимущественно евреямъ; это впрочемъ общая участь старательскихъ или золотничныхъ работъ, не только на платиновыхъ, но и на золотоносныхъ россыпяхъ: усмотрѣть за рабочими невозможно, когда работы идутъ неправильно, разбросанно, какъ это всегда бываетъ со старателями, а соблазнъ великъ: тайные скупщики даютъ за золотникъ платины до 80 коп. Тоже самое бываетъ

и съ золотомъ: владѣлецъ принимаетъ его отъ старателей по 2 руб. 40 коп., много по 2 руб. 60 коп. за золотникъ, а хищники даютъ по 4 руб. 50 коп.—разница слишкомъ велика.

Судя по количеству добываемаго металла, надо сказать, что платиновыя россыпи весьма богаты; это далеко не то, что золотоносныя россыпи Урала; тамъ шесть человѣкъ не выработаютъ въ два дня 10 золотниковъ металла; это можетъ случиться развѣ на Миасскихъ золотыхъ промыслахъ, о богатствѣ которыхъ тамошніе жители разсказываютъ баснословныя вещи.

Въ Висимо-Уткинскомъ заводѣ насъ ожидало новое разочарованіе относительно нашего маршрута; здѣсь намъ сказали, вопервыхъ, что мы напрасно ѣхали на Черноисточинскій заводъ, что можно было изъ Нижняго Тагила проѣхать прямо къ нимъ, причемъ мы выкинули-бы большой крюкъ, а, во вторыхъ, что и здѣсь никакихъ деревень Романовой и Сулема не знаютъ, что на Илимскую пристань они не везутъ, а повезутъ насъ, если угодно, на Уткинскую пристань. Оказалось однако, что послѣднее было вздоромъ, что отлично знаютъ здѣсь деревни и Романову и Сулемъ, и даже содержатель здѣшней земской станціи нанимаетъ въ этихъ деревняхъ луга. Все это оказалось однако же только тогда, когда я, показавъ казенную дорожную и земскій листъ, пригрозилъ жалобой, а главное присоединилъ къ этому порядочную ругань—самое дѣйствительное здѣсь средство. Послѣ этого тотчасъ же запрягли лошадей и повезли прямо на Илимскую пристань, до которой оставалось около сорока верстъ.

Достались же намъ эти сорокъ верстъ! Намъ они показали за сто. Еще пока мы ѣхали дорогой, которая идетъ изъ Висимо-Уткинскаго завода на Уткинскую пристань, было сколько нибудь сносно; дорога эта поддерживается Демидовскимъ заводоуправленіемъ, такъ какъ Уткинская пристань (Межевая Утка, въ отличіе отъ многихъ другихъ Утокъ на Чусовой) принадлежитъ также Демидовымъ и соединена съ Нижнимъ Тагиломъ частнымъ телеграфомъ; но когда мы, не доѣзжая версты десять до Межевой Утки, свернули влѣво на деревню Романову, то дорога стала до такой степени гадкою, что ее и дорогой собственно назвать нельзя,—это просто лѣсная тропа, изрытая ямами, перерѣзанная непрерывно попадающимися корнями отъ громадныхъ деревьевъ, или отъ пней, которые остались отъ вырубленнаго когда-то горѣлаго лѣса; если прибавить къ тому, что плетенки или корбушки намъ попались крайне плохія, сильно вихлявшіяся на дорогахъ, что мы не спали цѣлую ночь и что начало уже сильно припекать солнце,—то понятно станетъ, какъ длинна показалась намъ эта дорога и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы увидѣть Илимскую пристань.

Теперь мы ѣхали вдоль берега Чусовой, которую однако же, за

обружающимъ лѣсомъ, не было видно; мы увидѣли эту рѣку въ первый разъ не доѣзжая версты три до деревни Романовой. Какой прелестный видъ намъ представился! Я никогда не видалъ такого цвѣта воды: стальная, почти черная, какъ будто покрытая блестящимъ лакомъ, поверхность рѣки, съ колеблющимся, перерѣзаннымъ серебряными струйками, отраженіемъ скалистыхъ, покрытыхъ роскошной растительностью береговъ, — производила необыкновенный эффектъ. Жаль было оторваться отъ этого прелестнаго пейзажа, выглянувшаго на насъ въ рамѣ изъ густой темной зелени хвойнаго лѣса; но дорожка, по которой мы ѣхали, повернула въ сторону и мы снова были окружены со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Вскорѣ однако-же лѣсъ порѣдѣлъ и мы увидали холмистую открытую мѣстность, посрединѣ которой, на берегу Чусовой, разбросанъ въ безпорядкѣ небольшой поселокъ—это деревня Романова. Деревня выглядываетъ бѣдно; дочернѣвшія отъ времени, бревенчатыя избы представляютъ какой-то странный видъ. Замѣтимъ кстати, — въ Казанской губерніи старыя деревянныя постройки становятся отъ времени сѣрыми, здѣсь-же онѣ дѣлаются сначала коричневыми, а затѣмъ почти черными; вѣроятно это зависитъ отъ свойства лѣса. — На песчаномъ берегу рѣки разбросано нѣсколько лодокъ и тутъ-же лежатъ вытасенные изъ воды, садки для рыбы; въ это время рыболовствомъ не занимаются, — всѣ люди на сѣнокосѣ, по полянкамъ, разбросаннымъ въ лѣсу и по самому берегу рѣки. Болѣе открытыя мѣста холмистой долины, на которой расположенъ поселокъ, заняты посѣвами ржи и овса; всѣ эти засѣянные поля обнесены загородами изъ жердей, называемыми здѣсь заплотами и составляющими необходимую принадлежность воздѣланныхъ полей въ Пермской губерніи, гдѣ домашняя скотина не знаетъ пастуховъ, а гуляетъ лѣтомъ гдѣ ей вздумается; обиліе лѣса позволяетъ даже каждому крестьянину отгораживать свой участокъ пашни отъ сосѣднихъ. Когда мы проѣзжали деревней, ребятишки и бабы, остававшіяся дома, съ удивленіемъ смотрѣли на насъ; тоже удивленіе выражали и работавшіе за деревней на сѣнокосѣ мужики. — Ишь дивуются, замѣтилъ нашъ ямщикъ, давно ужъ здѣсь неслышно колокольчиковъ-то. — Странно было смотрѣть на здѣшнюю косьбу: здѣсь косятъ траву такъ называемыми *горбушами*; это вершковъ десяти длиною кривые ножи, насаженные на кривую, горбатую короткую рукоятку, которая держится одною правой рукой; горбушею трава не срѣзывается гладко, какъ обыкновенною косой, а какъ бы срубается, причемъ нѣтъ и правильныхъ рядовъ подкошенной травы, а вся она является въ неправильно разбросанныхъ кучкахъ; нѣтъ также и правильнаго ряда косцевъ—всѣ работаютъ въ разбродъ. Этотъ способъ кошенія усвоился конечно вслѣдствіе того, что косить въ лѣсныхъ мѣстностяхъ приходится между кустами, пеньками и порослями мелкаго лѣса, на маленькихъ полянкахъ, гдѣ нѣтъ

и возможности размахнуться обыкновенною косою, называемою здѣсь литовкой. Повидимому косить горбушею еще утомительнѣе нежели литовкой—нагибаться приходится гораздо ниже.

Выѣзжая изъ деревни, спросили встрѣтившагося мужика—какъ проѣхать на Илимку? — А вотъ ступайте, говорить, берегомъ, тамъ поворотите въ лѣсъ, съ дороги сбиться некуда, одна. — А далеко-ли, спрашиваемъ, до Илимки?—Да дивно еще.—Это „дивно“ можетъ означать сколько угодно, такъ какъ въ слѣдующей деревнѣ, Сулемѣ, отстоящей отъ Романовой версты на пять, на тотъ-же вопросъ, намъ отвѣчали тоже самое—дивно еще. Между тѣмъ было около полудня, солнце сильно пекло, одолѣвала дремота, а толчки въ рытвинахъ и на кореньяхъ деревьевъ все сильнѣе давали себя чувствовать; немудрено, что истерпѣніе наше возрастало каждую минуту. Но вотъ, проѣхавши верты три отъ Сулема, повернули съ берега рѣки, оставшейся на правой сторонѣ, снова въ лѣсъ, взѣхали на пригорокъ и увидали между деревьями и съ лѣвой стороны ту-же рѣку; теперь Илимка должно быть не далеко, недалше вершины того изгиба, который дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ рѣка. Дѣйствительно, проѣхавши еще версты три, мы выѣхали изъ лѣсу на берегъ Чусовой и намъ сразу, какъ на ладонкѣ, открылось все село Илимское или Илимская пристань.

Мѣстоположеніе Илимской пристани чрезвычайно живописно; поселеніе расположено на пологихъ берегахъ по обѣ стороны рѣки, шириною въ этомъ мѣстѣ сажень около сорока; на правомъ берегу, съ котораго мы подѣхали, стоитъ только рядъ крестьянскихъ избъ, да на высокихъ подмосткахъ десятка полтора большихъ коломенокъ и барокъ, очевидно прошлогодней или и еще болѣе ранней постройки; на противоположномъ лѣвомъ берегу, впереди всего выдается лѣсопилка, довольно большое строеніе, поставленное у широкой, огражденной перилами, плотины, за которою виднѣется довольно большой прудъ рѣчки Илима, окаймленный слѣва скалистыми берегами, а справа зелеными холмами, на которыхъ разбросаны живописными группами деревья и кустарники. Вода Илима широкимъ каскадомъ падаетъ со слива въ глубокую котловину, изъ которой стекаетъ блестящими струями по камнямъ и галькѣ въ Чусовую, которая въ этомъ мѣстѣ быстро несется по мелкому перекату, или, какъ здѣсь называютъ, перебору. Нѣсколько правѣе лѣсопилки весело смотритъ небольшая, новенькая и чистенькая деревянная церковь, а за нею, черезъ дорогу, домъ управителя пристани, контора, пожарный сарай, конюшни и другія хозяйственныя постройки; правѣе по берегу рѣки идетъ довольно большой рядъ, почти совершенно одинаковыхъ по постройкѣ, домиковъ поселянъ; всѣ эти домики старой постройки, почернѣвшіе отъ времени; еще правѣе, уже на загибѣ рѣки, виднѣются еще нѣсколько коломенокъ. Позади

поселенія берегъ довольно круто поднимается и высшую видящую его границу вѣнчаютъ нѣсколько одинокихъ березъ и старинная часовня. Налѣво отъ лѣсопилки рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ, весь ограниченный по лѣвому берегу чрезвычайно живописными скалами, почти отвѣсно спускающимися въ воду; вершины скалъ и всѣ разсѣлины и уступы покрыты разнообразнымъ листовымъ и хвойнымъ лѣсомъ, а по стѣнамъ скалъ, вездѣ гдѣ только есть какая нибудь неровность, ползетъ разноцвѣтный мохъ, лишайникъ и мелкая поросль кустарниковъ.

Когда мы остановились въ нерѣшимости у рѣки, не зная какъ пуститься въ бродъ, къ намъ подошелъ крестьянинъ и обязательно указалъ гдѣ можно ѣхать, причемъ посоветовалъ однако-же оставить на берегу наши чемоданы и прочую поклажу, такъ какъ ее легко было подмочить; мы разумѣется послѣдовали этому совету и попросивши перевезти все, нами оставленное, на лодкѣ, благополучно перебрались на другую сторону и поѣхали къ смотрителю пристани, А. Н. Пап—ну.

Съ большимъ трудомъ я вылѣзъ изъ телѣжки вслѣдствіе боли, которая сильно пачала чувствоваться въ ногахъ, и какъ-же былъ я радъ, когда радушный хозяинъ, послѣ чая съ разнымъ домашнимъ печеньемъ, предложилъ намъ отдохнуть на приготовленныхъ тотчасъ-же постеляхъ въ прохладныхъ, чистенькихъ комнатахъ его дома. Часовъ пять проспалъ я какъ убитый,—кажется никогда такъ хорошо не спалось. Послѣ обѣда, когда жаръ началъ спадать, мы пошли осматривать лѣсопилку, контору, пожарный обозъ и другія хозяйственные постройки. Все въ отличномъ порядкѣ, одного только нѣтъ—нѣтъ никакой работы: лѣсопилка бездѣйствуетъ, пилы убраны и движущая ихъ сила—вода Илима, пущенная мимо колесъ по широкому сливу, бесполезно теряется въ струяхъ Чусовой; долго простояли мы на широкой отличной плотинѣ надъ этимъ сливомъ, любуясь на длинныя шелковистыя водоросли, покрывающія его дно и колеблющіяся толстыми прядями, какъ роскошныя волосы гигантской косы какой-то невидимой красавицы русалки.

Рѣка Чусовая, съ ея притокомъ Сылвой, въ теченіе двухъ столѣтій, съ самаго начала горнозаводскаго дѣла на Уралѣ, служила главною артеріей, по которой сѣлавались всѣ металлы Уральскихъ горныхъ заводовъ до Камы, а затѣмъ этою рѣкой шли уже на рынки внутри Россіи. Металлы эти, готовившіеся въ теченіе зимы, свозились къ многочисленнымъ пристанямъ на Чусовой и Сылвѣ, гдѣ въ то же время заготавливались, для сплава ихъ, барки и коломенки. На пристаняхъ кишѣла дѣятельность и чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ она была лихорадочнѣе: кромѣ людей строившихъ суда, на пристани

стекалось множество народа, занимавшагося нагрузкой металловъ спускомъ судовъ на воду и приготовленіемъ всего необходимаго для далекаго и небезопаснаго плаванія. Большіе караваны судовъ скоплялись у каждой пристани и ожидали вскрытія рѣки; какъ только ледъ тронется и начнетъ прибывать вода, барки и коломенки быстро пускаются въ бѣшено-несущійся потокъ. Паденіе Чусовой, какъ и всякой горной рѣки, весьма велико; вода въ ней и лѣтомъ очень быстра, а весной эта быстрина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайная. Не приходилось уже дремать тутъ сплавщикамъ, въ особенности на безпрерывныхъ почти, весьма крутыхъ и скалистыхъ поворотахъ рѣки: малѣйшая оплошность—и судно, ударившись въ выдающіеся утесы, въ щепы разобьется или мгновенно очутится вверхъ дномъ; сколько народа при этомъ погибало! Несмотря на искусство, проворство и ловкость сплавщиковъ, ни одного весенняго сплава не обходилось безъ несчастій. Такъ было до самаго послѣдняго времени; только какой нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ Министерство Путей Сообщенія приняло нѣкоторыя мѣры къ уменьшенію опасностей весенняго сплава по этой рѣкѣ. Около нѣкоторыхъ, хотя далеко не всѣхъ, наиболѣе опасныхъ скалъ, устроили *заплавни*—ряды длинныхъ бревенъ, сѣрѣпленныхъ поперечными брусьями такимъ образомъ, что нанесенная на нихъ барка можетъ удариться уже не о скалу, а объ эти бревна, причемъ сила удара значительно умѣряется еще вслѣдствіе гибкости поперечныхъ брусьевъ, и судно, скользя бортомъ по бревнамъ, несется дальше. Нѣкоторыя прибрежныя скалы, въ своихъ особенно выдающихся частяхъ, оторваны динамитомъ. Со времени этихъ приспособленій, число крушеній, какъ говорили намъ сплавщики, стало значительно меньше, хотя надо сказать, что и сплавъ по Чусовой съ того времени сталъ гораздо меньше.

Всѣ заводы казеннаго Гороблагодатскаго округа — Кушвинскій, Верхне и Нижне-Туринскіе, Баранчинскій и Серебрянскій—отправляли тогда свои металлы, для сплава по Чусовой, на Ослянскую пристань, отстоящую отъ Серебрянскаго завода верстъ на 12; коломенки-же и барки для этихъ металловъ строились въ Илимкѣ, выше Ослянской пристани, по сухому пути, на 60 верстъ—и сплавлялись пустыми на Ослянскую пристань. Богатая отличными лѣсами Илимская дача, простирающаяся до 127 тысячъ десятинъ, представляла для этого всѣ удобства: и обиліе лѣса, и даровая движущая сила водъ Илима для лѣсопилки и вполне достаточное число рабочихъ рукъ. Населеніе Илимской волости, состоящей изъ села Илимскаго или Илимской пристани съ нѣсколькими поселками—Романовой, Сулемомъ, Дикой Уточкой, Талицей и др., разбросанными по Илимской дачѣ,—всю зиму имѣло заработокъ въ постройкѣ судовъ, которыхъ тогда изготовлялось ежегодно до сотни, а весной занималось погрузкой въ нихъ металловъ и

затѣмъ сплавомъ ихъ по Чусовой до Перми. Такъ дѣло шло до постройки Уральской Горнозаводской желѣзной дороги; съ постройкой дороги стало быстро измѣняться положеніе дѣла; многіе заводы, особенно лежащіе близъ дороги, начали отправлять по ней свои металлы, и Чусовая стала терять свое прежнее значеніе. Это измѣненіе условій сильно отозвалось какъ на Илимскомъ судостроительномъ заведеніи, такъ и на населеніи Илимской волости. Дѣйствительно, подрядчикъ по доставкѣ къ мѣстамъ назначенія казенныхъ металловъ на Уралѣ, нашелъ болѣе выгоднымъ отправлять Гороблагодатскіе металлы по желѣзной дорогѣ, ибо, несмотря на довольно высокій желѣзнодорожный тарифъ, онъ избѣгалъ покупки судовъ въ Илимской пристани, гдѣ платилъ за нихъ отъ 600 до 900 р. за каждое; избѣгалъ расходовъ и хлопотъ по найму рабочихъ для сплава, да избѣгалъ риска крушеній на Чусовой. Изъ всѣхъ Гороблагодатскихъ заводовъ, только съ одного Серебрянскаго, лежащаго вблизи Чусовой, оказалось выгоднѣе отправлять металлы по этой рѣкѣ; такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1885 году, вмѣсто цѣлой сотни судовъ, которыя изъ Илимки отпущались прежде на Осянскую пристань, было взято всего пять коломенокъ. Населеніе Илимской волости, и въ особенности Илимской пристани, въ которой въ одной считается до 350 душъ, осталось совершенно безъ посторонняго заработка; что касается до хлѣбопашества, то оно далеко не можетъ прокормить населеніе, какъ по недостатку удобной земли, такъ и вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій. Жители Илимской волости имѣютъ еще въ настоящее время нѣкоторый заработокъ въ выжегѣ угля для Тагильскихъ заводовъ изъ сухоподстойнаго лѣса Илимской дачи; эта операція, введенная смотрителемъ Илимской пристани лѣтъ пять тому назадъ, дала, помимо заработка населенію, и казнѣ весьма значительную выгоду; но и она скоро окончится, такъ какъ сухоподстойный лѣсъ уже почти весь истощился, а сырораствующаго, хотя и перестоялаго, котораго въ Илимской дачѣ довольно, употреблять на угольную операцію не дозволяютъ. Вотъ здѣсь и возникаетъ для жителей соблазнъ пустить въ лѣсъ краснаго пѣтуха, чтобы получить затѣмъ новый запасъ сухоподстойнаго лѣса, для новаго заработка на выжегѣ изъ него угля. Говорятъ, что на Уралѣ такія дѣла не рѣдкость.

Илимская дача совсѣмъ не изслѣдована въ отношеніи рудныхъ богатствъ; между тѣмъ залежи желѣзной руды находятся даже вблизи Илимской пристани, не далѣе 3—6 верстъ; если эти залежи оказались бы настолько богатыми, какъ говорятъ объ этомъ жители Илимки, то дача эта могла бы получить огромное значеніе по выплавкѣ чугуна; богатство неистощенныхъ вырубамъ лѣсовъ, обиліе воды рѣчки Илима и сплавъ металла по рѣкѣ Чусовой, который, при постройкѣ судовъ изъ своего лѣса, во всякомъ случаѣ обойдется дешевле пере-

возки по желѣзной дорогѣ, наконецъ готовыя рабочія руки, которыя въ настоящее время нуждаются въ работѣ, — все это говоритъ за надежный успѣхъ этого дѣла. Къ сожалѣнію, на это обращается весьма мало вниманія и Илимская дача въ настоящее время представляется какою-то заброшенною и забытою, и заброшенною до такой степени, что и попасть въ этотъ медвѣжій уголь весьма нелегко: нѣтъ ни дорогъ, ни земской почты. Устроили-же Тагильскіе заводы не только порядочную дорогу, но и телеграфное сообщеніе со своею пристанью на Чусовой, а Илимская пристань, несмотря на ея большое значеніе, въ особенности въ прежнее время, осталась въ томъ-же первобытномъ положеніи, по отношенію къ путямъ сообщенія, въ которомъ эта мѣстность была во времена Ермака. Мы испытали уже дорогу, ведущую на Илимскую пристань, но мы ѣхали въ самое лучшее, сухое время года; осенью-же и въ особенности весной, дорога эта представляется, не только непроѣздною, но и непроходимую. Что касается до сообщеній между разными поселками Илимской дачи и самою пристанью, то кромѣ двухъ изъ нихъ — Романовой и Сулема, изъ остальныхъ существуютъ не дороги, а едва проходимыя тропы.

Кромѣ Серебрянскаго завода Гороблагодатскаго округа, въ настоящее время по Чусовой сплавляются металлы изъ заводовъ, лежащихъ выше Илимской пристани — изъ Ревдинскаго, самаго верхняго, принадлежащаго Пермкину, и изъ Билимбаевского, гр. Строганова, а также изъ принадлежащаго ему же, завода Кыновскаго, лежащаго ниже Илимской пристани; изъ заводовъ принадлежащихъ Демидову, только ближайшіе къ Чусовой, какъ Висимо-Уткинскій, отправляютъ свои металлы сплавомъ. Но весь этотъ сплавъ настоящаго времени — ничтожный, сравнительно съ прежнимъ. Порядокъ весенняго сплава по Чусовой, въ настоящее время, такой: на всѣхъ пристаняхъ суда грузятся и окончательно приготавливаются къ сплаву около половины апрѣля, когда рѣка, вздувшись отъ весеннихъ водъ, начинаетъ вскрываться отъ льда; въ это время, по данному отъ чиновника Министерства Путей Сообщенія приказанію, спускается прудъ Ревдинскаго завода; вода быстро прибываетъ, окончательно взламывается ледъ на Чусовой и всѣ изготовленные на пристаняхъ суда, по мѣрѣ подхода вала прибылой воды, пускаются въ путь.

Но возвратимся къ нашему путешествію. Рѣшившись плыть по Чусовой, мы предполагали нанять въ Илимской пристани большую лодку, на которой можно-бы удобно помѣститься вчетверомъ, кромѣ гребцовъ конечно, устроить на этой лодкѣ какой-нибудь навѣсъ отъ дождя и солнца, и запасшись провизією, пуститься въ эту дальнюю дорогу. Все это издали представлялось легко и возможно; но не такъ вышло на дѣлѣ. Прежде всего оказалось, что на Илимской пристани

никакой, подходящей для нашего путешествія, лодки не было, да впоследствии мы убѣдились, что на Чусовой и вовсе нѣтъ большихъ лодокъ, да и надобности никакой нѣтъ имѣть ихъ тамъ: свойство рѣки, т. е. ея мѣлководье, частые перекаты и чрезвычайная быстрота теченія, выработали и особый типъ на нихъ лодокъ,—это плоскодонныя, очень длинныя и узенькія лодочки, выдолбленныя изъ одного дерева; весель на нихъ никакихъ нѣтъ, да они были-бы и бесполезны, такъ какъ подняться на веслахъ противъ теченія невозможно; для передвиженія-же употребляются длинные тонкіе шесты, посредствомъ которыхъ и противъ теченія двигаются очень быстро, особенно вдвоемъ, на двухъ шестахъ. Понятно, что на такихъ лодкахъ намъ пускаться на шесть или на семь дней пути не было возможности. Поэтому А. Н. предложилъ намъ построить небольшую полубарку, такую-же, какія и вообще употребляются для сплава по Чусовой, замѣтивъ при этомъ, что ее здѣшніе привычныя рабочіе построить въ два дня, а плыть на ней будетъ вполне удобно; мы конечно на это съ удовольствіемъ согласились.

Полубарка—это совершенно плоскодонное судно, котораго днище сколачивается изъ половыхъ досокъ и имѣетъ форму эллипса, заостренного на обоихъ концахъ большой оси; на днище ставятся такъ называемыя *копани*, т. е. обрубки нетолстыхъ елей или пихтъ, выкопанныя съ корнемъ, который выбирается наиболѣе толстымъ и растущимъ перпендикулярно, къ стволу дерева; прочіе корни обрубаются; стволъ копани обрѣзывается по ширинѣ полубарки, обтесывается съ одной стороны и кладется на днище, такъ, что корень становится къ нему вертикальнымъ; корень съ наружной стороны также обтесывается для того, чтобы къ этой сторонѣ можно было потомъ пришивать борта, которые такимъ образомъ будутъ тоже перпендикулярны къ дну судна. Когда копани всѣ поставлены, обыкновенно въ разстояніи 4—5 четвертей одна отъ другой, къ нимъ пришиваютъ днище довольно толстыми деревянными гвоздями; послѣ этого, поставивъ въ носу и кормѣ по обрубку дерева, обливаютъ борта размоченными въ водѣ верхковой толщины досками, которыя прибиваютъ большими желѣзными гвоздями, какъ къ ребру днища, такъ и къ копанямъ. Такимъ образомъ полубарка будетъ готова, останется ее проконопатить по пазамъ, какъ днища, такъ и бортовъ, и спустить на воду. По пазамъ бортовъ, для прочности, послѣ конопатки накладываются тоненькія и узенькія дощечки, которыя пришиваются небольшими желѣзными скобками.

Барки и коломенки строятся точно также и отличаются только большею величиною и тѣмъ, что нѣкоторыя покрываются двускатной плоской крышей, дольными или поперечными досками. Мы впоследствии видѣли на Чусовой маленькія лодочки, такимъ-же точно способомъ построенныя, только узенькія и длинныя; лодочки эти очень красивы, сидятъ въ водѣ весьма неглубоко, но устойчивы и вообще мнѣ пока-

зались гораздо удобнѣе долбленныхъ изъ одного дерева; двигаются на нихъ тоже посредствомъ шестовъ.

Постройка нашей полубарки началась на другой-же день послѣ нашего приѣзда. Любо было смотрѣть, какъ въ умѣлыхъ привычныхъ рукахъ кипѣла работа, какъ все плотно и прочно прилаживалось одно къ другому и какъ повидимому все это просто дѣлалось, а между тѣмъ построить и такое суденышко такъ, чтобы оно не давало течи и не боялось стукнуться о камень или пробороздить каменистое дно,—надо большой навыкъ и умѣнье; чистоты работы никакой тутъ не требуется, все вниманіе обращается на прочность. Черезъ два дня наша полубарка уже была спущена на воду; она имѣла четыре съ половиною сажени длины и полторы ширины, высота бортовъ двѣнадцать вершковъ. Началась затѣмъ ея внутренняя отдѣлка, т. е. настлали полъ, устроили скамьи для гребцовъ; въ носовой части отдѣлили крытое помѣщеніе для углей, надъ которымъ на крышѣ устроили маленькій очажекъ; наконецъ, ближе къ кормовой части, во всю ширину полубарки и длиною сажени въ полторы, на стойкахъ, устроили на два ската крышу, а бока и заднюю часть между стойками забрали досками; такимъ образомъ вышла деревянная, открытая только съ передней стороны, палатка, въ которой было удобно и совершенно просторно намъ четверымъ, и стоять и сидѣть и лежать; по тремъ сторонамъ внутри палатки придѣлали широкія лавки, а вверху полки, для посуды, и деревянные гвозди вѣшать ружья и разныя охотничьи принадлежности; все было предусмотрено: боковыя и задняя стѣнки палатки могли разбираться на случай противнаго вѣтра, чтобы не парусило.

Тѣмъ временемъ, какъ строили и устраивали нашу полубарку, моя молодежь занялась уженьемъ. Въ Чусовой водится много харіусовъ; до этой поѣздки я никогда ихъ живыхъ не видалъ; въ Перми можно встрѣтить ихъ очень рѣдко и то зимою, замороженныхъ; вѣроятно это оттого, что рыба эта очень нѣжна и пойманная, несмотря на разныя предосторожности, быстро засыпаетъ и портится; посаженная въ саженку, тоже скоро умираетъ. Харіусы величиною и видомъ напоминаютъ астраханскихъ сельдей; мнѣ эта рыба показалась одною изъ самыхъ вкусныхъ. Что меня удивило въ харіусахъ—это ихъ остовъ; у всѣхъ рыбъ, которыхъ я до сихъ поръ зналъ, я видѣлъ скелеть, состоящій, кромѣ мелкихъ костей, собственно изъ трехъ продольныхъ рядовъ костей—верхній, который идетъ къ хребту спины и два боковыхъ, которые составляютъ ребра; у харіуса этихъ рядовъ пять: три изъ нихъ, короткіе, идутъ къ верху, причемъ средній состоитъ изъ прямыхъ косточекъ; два боковые нѣсколько загнуты дугообразно кверху; затѣмъ два ряда, болѣе длинныхъ, идутъ загибаясь къ низу и составляютъ ребра; косточки всѣхъ пяти рядовъ мягкія, нитеобразныя и въ сваренной рыбѣ очень легко отдѣляются отъ мяса

совершенно цѣльнымъ остовомъ; другихъ никакихъ костей въ туловищѣ рыбы нѣтъ. Я думаю, что если-бы харіусовъ готовить въ консервахъ, такъ-же, какъ готовятъ сардинки или сельдей, то они были бы гораздо вкуснѣе и нѣжнѣе этихъ послѣднихъ.

Харіусы почему то однако около Илимской пристани брали, въ то время, плохо, можетъ быть оттого, что на другой день послѣ нашего пріѣзда былъ сильный проливной дождь и вода въ рѣкѣ помутнѣла; оставалось, для забавы, ловить пискарей, которые буквально кишмя кишѣли и не давали бросить удочку; ихъ можно было натаскать сколько угодно. Удовольствіе ужения харіусовъ намъ предстояло еще впереди. Поохотиться съ ружьемъ мнѣ въ Илимской пристани не удалось, такъ какъ ходить много я не могъ—все время еще болѣли ноги отъ моего путешествія въ рудникъ,—а молодыхъ тетеревовъ и рябчиковъ, какъ намъ говорили, тамъ было много.

На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Илимку, мнѣ въ первый разъ привелось видѣть грозу въ Уральскихъ горахъ. Послѣ очень душнаго дня, часовъ около шести вечера, съ запада показалась темная грозовая туча, которая тихо надвигалась самой серединой на Илимскую пристань; безпрерывно почти мелькавшія молніи и отдаленные, сначала глухіе, раскаты грома предвѣщали сильную грозу. Я сѣлъ на лавочку у воротъ и долго, до сильнаго уже дождя, любовался на роскошную картину, которая представлялась глазамъ. Прямо передо мной бѣлая церковь, съ блестящими крестами, рѣзко выдѣлялась на темномъ фонѣ черной, какой-то будто маслянистой воды Чусовой, прибрежнаго за ней лѣса и фіолетоваго, почти чернаго, цвѣта грозовой тучи; за церковью влѣво большой рядъ темнаго цвѣта избъ, которыя отъ накрывавшей тучи казались еще темнѣе; за ними вдали крутой изгибъ рѣки, упирающейся въ отвѣсный скалистый берегъ, а еще дальше, всѣ покрытые сплошнымъ лѣсомъ, возвышающіеся одинъ надъ другимъ отроги Урала, одѣтые густымъ туманомъ падавшаго уже тамъ дождя. Темный фонъ этой чудной картины почти безпрерывно освѣщался яркимъ блескомъ, бороздившей по всѣмъ направленіямъ, молніи, сопровождаемой теперь уже оглушительными раскатами грома. Только часто начавшія падать крупныя капли дождя заставили уйти въ комнату: вскорѣ какъ изъ ведра хлынулъ дождь; безпрерывные удары грома слились въ одинъ оглушительный грохотъ. Я очень люблю грозу и меня всегда тянетъ изъ комнаты, чтобы полюбоваться ею; но здѣсь отъ ослѣпительной молніи и страшныхъ ударовъ грома, приходилось зажмуриваться и вздрагивать—какъ-то жутко становилось. Какъ только дождь прошолъ, я снова вышелъ на улицу. На западѣ уже было свѣтло; между обрывками прошедшей тучи проглядывало солнце, освѣщая блестящую зелень деревьевъ и каскады мутной воды, падавшіе съ прибрежныхъ скалъ въ Чусовую, которая тотчасъ-же измѣнила свой

блестяще-черный цвѣтъ въ мутно-красноватый; туча уходила далеко на востокъ въ верховья Чусовой. Нельзя было довольно надышаться влажнымъ, свѣжимъ и ароматнымъ воздухомъ, который оставила послѣ себя гроза.

Долго постоялъ я потомъ на плотинѣ Илимскаго пруда, любуясь на быстро несущуюся по сливу воду и на высоко разлетавшіяся брызги при ея паденіи въ котловину подъ лѣсопилкой. Вспомнился мнѣ тогда, давно умершій, мой товарищъ по службѣ и по охотамъ, докторъ Никольскій. Было это давно, когда мы были еще молодыми людьми, только что начавшими свою службу въ университетѣ. Однажды мы охотились съ нимъ весною въ лугахъ около Свіяжска, родины Никольскаго; вода въ Свіягѣ только что начала убывать, показались первыя гривы; былъ отличный теплый день; мы поднялись на лодкѣ вверхъ по Свіягѣ, верстъ на пять отъ города. Находившись и настроившись вдоволь по гривамъ и полямъ, мы пристали къ одному довольно высокому островку и, выбравши посуше мѣсто, расположились подъ кустомъ отдохнуть, закусить и выпить чаю, до котораго Никольскій былъ большой охотникъ, почему и бралъ съ собой во всякую поѣздку котелокъ и небольшой мѣдный чайникъ. Берега Свіяги въ этомъ мѣстѣ, довольно возвышенные, по склонамъ были покрыты зелеными бархатистыми озимями; вдали налѣво видѣлся, на крутой, почти круглой возвышенности, окруженной почти со всѣхъ сторонъ разливомъ Волги, весь залитый солнечнымъ свѣтомъ, бѣленькій, чистенькій городокъ Свіяжскъ, съ его множествомъ церквей, съ его бѣлыми длинными стѣнами монастырей и съ его старинными деревьями монастырскихъ садовъ, а еще дальше за городкомъ, направо, видѣлась довольно крутая гора, покрытая стариннымъ лѣсомъ, среди котораго, на небольшомъ выступѣ въ полугорѣ, пріютилась, какъ гнѣздо ласточки, небольшая, блестящая изъ за зелени крестами своей церкви, Макарьевская пустынь; за нею широкій разливъ Волги, ограниченный вдали синеватымъ прибрежнымъ лѣсомъ. Въ небогатой живописными мѣстами Казанской губерніи этотъ видъ одинъ изъ лучшихъ. Лежали мы съ Никольскимъ на коврѣ и любовались этимъ видомъ, слушая неумолкающій хоръ безчисленныхъ пташекъ, щебетавшихъ въ кустахъ, которые широкой лентой окаймляли берега Свіяги. — А что, Е. П., вдругъ сказалъ Никольскій, зачѣмъ это строить города, къ чему вся эта цивилизація, со всѣми ея изобрѣтеніями, машинами, со всею ея кипучей дѣятельностью, съ погоней за какимъ-то особеннымъ счастьемъ, за какими-то идеалами, никогда недостижимыми? Къ чему все это? Вотъ жизнь-то настоящая, какъ мы съ вами теперь живемъ, не правда-ли? — Долго мы потомъ шутя развивали эту мысль.

Эта странная мысль, шутя когда-то высказанная, давно забытая, пришла мнѣ на память, когда я стоялъ на плотинѣ Илимскаго пруда; и теперь, послѣ всего пережитаго мною, послѣ того, какъ идеалы оказались дѣйствительно недостижимыми, послѣ тѣхъ разочарованій, которыя

принесла жизнь,—эта мысль вовсе не показалась мнѣ странной. Право хорошо бы послѣдніе годы провести въ такомъ тихомъ уголкѣ, надолго еще огражденномъ высокими скалами Урала отъ волнъ бурнаго житейскаго моря и тихо заснуть среди природы, которая одна остается вѣчною, со своей неизмѣнной и необманчивой красотой. . .

Когда полубарка была совсѣмъ готова, я договорился съ рабочими, четырьмя гребцами и рулевымъ, за 50 р. с. сплавить насъ до Перми; все это были люди отлично знавшіе Чусовую, не разъ уже сплававшіе по ней судна; они тотчасъ-же занялись приготовленіемъ себѣ пищи на дорогу и излаживаньемъ веселъ и навѣси; на другой день рѣшили выѣхать. Хотѣлось бы пробыть въ Илимскѣ денька два, чтобы поохотиться за тетеревами; у меня переставали уже болѣть ноги, но меня беспокоило то, что наши семейные ничего о насъ не знаютъ, между тѣмъ проходила уже недѣля со времени нашего отъѣзда изъ Перми; дать-же о себѣ извѣстіе съ Илимской пристани было совсѣмъ невозможно,—пришлось бы посылать нарочнаго въ Серебрянскій заводъ; поэтому надо было отказаться отъ охоты.

Покончивъ съ рабочими, мы по предложенію А. Н., часовъ около 11 утра поѣхали на двухъ лодкахъ вверхъ по Чусовой поудить харіусовъ; запасшись удочками мы захватили на случай и ружья. Къ нашей компаніи присоединился еще на третьей лодкѣ волостной старшина Илимской волости, страстный охотникъ и рыболовъ; онъ взялъ съ собой длинную мережу, съ тѣмъ чтобы въ удобныхъ мѣстахъ поботать рыбу. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что заросшія водорослями мѣста рѣки охватываются съ трехъ сторонъ мережей, съ четвертой заѣзжаютъ на лодкѣ и начинаютъ ботать насаженной на длинномъ шестѣ деревянной воронкой; рыба отъ шума, бросаясь въ стороны, запутывается въ сѣть. Такимъ способомъ на Чусовой ловятъ много рыбы, между которой большинство составляютъ харіусы. На этотъ разъ ловля оказалась однако-же почему-то неудачной: проѣхавши по Чусовой версты двѣ и закидывая сѣть съ десятокъ разъ, удалось поймать только съ пятокъ небольшихъ окуней, да двухъ или трехъ харіусовъ. Остановились мы въ одномъ изъ крутыхъ поворотовъ рѣки, на зеленомъ мыскѣ, защищенномъ отъ солнца густою листвою прибрежнаго лѣса. Наловивши стрекозъ и оводовъ (паутовъ), на которыхъ обыкновенно ловятъ харіусовъ, нѣсколько человекъ отправились тотчасъ-же съ удочками на ближайшій быстрый перекалъ рѣки. Удять харіусовъ на Чусовой нахлыстомъ, закидывая удочку на середину рѣки, въ самую быстрину; для этого снимаютъ сапоги, обуваютъ лапти, чтобы предохранить ноги отъ острыхъ камней, которыми покрыто все дно рѣки, и залѣзаютъ по колѣна въ воду. Харіусъ беретъ съ налета и его тотчасъ-же надо подсѣкать и выкидывать на берегъ. Я съ ружьемъ и собакой отправился лѣсомъ по берегу, гдѣ вскорѣ выгналъ

двухъ рябчиковъ, которыхъ однакоже не удалось стрѣлять за густотой лѣса; проходивши съ полчаса и не найдя больше ничего, долженъ былъ вернуться назадъ; идти дальше отъ рѣки не было возможности, вслѣдствіе массы валежника и крутизны подъема въ гору. На наше несчастіе, и уженъе оказалось неудачнымъ: поймали только трехъ харіусовъ и то небольшихъ; многіе срывались съ нашихъ удочекъ, оказавшихся слишкомъ малыми. За неимѣніемъ рыбы, пришлось оставить мысль варить уху; поэтому, выкунавшись, напился чаю и отправился домой и было кстати—только что приплыли на пристань, какъ изъ набѣжавшей тучки хлынулъ, хотя и непродолжительный, но проливной дождь, который вымочилъ-бы насъ до нитки, если-бы дольше остались на гуляньи.

Послѣ обѣда, моя молодежь занялась шитьемъ флага на полубарку, которую назвали „Ермакомъ“; для флага нашли въ маленькой лавченкѣ коленкоръ, на которомъ и нашли изъ краснаго ситца крупныя буквы придуманнаго названія. Утромъ на слѣдующій день торжественно водрузили этотъ флагъ на носу полубарки на длинномъ шестѣ, къ большому удовольствію не только моихъ путешественниковъ, но и сплавщиковъ и мальчишекъ. Подулъ вѣтерокъ, флагъ развернулся во всю длину и весело заколыхался надъ нашимъ Ермакомъ.—Есть примѣта, замѣтилъ кто-то, что если при поднятіи флага подуетъ вѣтерокъ, то это предвѣщаетъ благополучное плаваніе.—Примѣта эта впоследствии оправдалась.

Передъ обѣдомъ гребцы начали переносить на полубарку все наши вещи, которыя мы въ тоже время размѣщали поудобнѣе. Когда развѣсили ружья и ружейныя принадлежности по стѣнамъ каюты, разставили на полкѣ посуду, разостлали на лавкахъ одѣяла, положили подушки и наконецъ поставили на срединѣ небольшой столъ, такъ стало хорошо и домовито, что кажется цѣлое лѣто можно-бы провести тутъ, не только безъ нужды, но даже покойнѣе и свободнѣе, чѣмъ на любомъ пароходѣ—да и что мудренаго, мы были тутъ полными хозяевами. Первымъ поселился на полубаркѣ и занялъ свое мѣсто подъ столомъ мой Плутонъ—старая собака, которая сопровождаетъ меня во всехъ поѣздкахъ. Александръ Николаевичъ распорядился нагрузить нашу полубарку тремя порядочными ящиками разной провизіи; чего только тутъ не было—хлѣбы бѣлые и черные, разное печенье, шаньги, жареные цыплята, копченые харіусы и проч. Кромѣ того подъ лавками было поставлено десятка два бутылокъ отличнаго квасу и нѣсколько бутылокъ сливокъ, да я купилъ еще полведра водки для рабочихъ; казалось, что всей этой провизіи хватитъ на цѣлый мѣсяць. Замѣтимъ кстати, всякій, кто желаетъ проплыть по Чусовой, долженъ запастись провизіей или въ Илимской пристани, или въ одномъ изъ заводовъ, лежащихъ на Чусовой, иначе будетъ большое горе: въ маленькихъ деревенькахъ, которыя изрѣдка попадаются по рѣкѣ, ни-

чего вромѣ молока и яицъ найти нельзя, хлѣба-же порядочнаго въ нихъ нѣтъ вовсе. Уставивши и устроивши все въ своей каютѣ и оставивши на полубаркѣ рабочихъ, которые, каждый съ своимъ мѣшкомъ провизіи, были уже на своихъ мѣстахъ, мы пошли въ послѣдній разъ пообѣдать къ своимъ гостепріимнымъ хозяевамъ, чтобы затѣмъ тотчасъ-же отправиться въ путь.

Въ 5¹/₂ часовъ, 6 го іюля, провожаемые добрыми пожеланіями А. Н. и рабочихъ, строившихъ намъ полубарку, мы отплыли отъ Илимской пристани. Мѣрно ударили весла гребцовъ и наша полубарка быстро понеслась по мелкому перекату, шурша дномъ о его гальки; перекатъ скоро кончился, на заворотѣ рѣки выплыли на болѣе глубокое мѣсто и въ послѣдній разъ оглянулись на быстро скрывавшуюся за прибрежнымъ выступомъ скалы, колокольню Илимской церкви.— Дай-то Богъ счастливаго плаванія!

Не стало видно Илимской пристани, исчезли и всякіе признаки жилья, насъ окружала теперь въ полномъ смыслѣ дикая природа. Берега здѣсь еще не такъ высоки, но сплошь покрыты лѣсомъ, изъ котораго мѣстами выдаются живописные утесы, окрашенные въ самые разнообразныя цвѣта. На одномъ изъ такихъ утесовъ мы увидѣли лису, которая съ любопытствомъ выглядывала на насъ изъ за небольшого деревца пихты; ружья наши были не заряжены и лисичка осталась цѣла. Изгибы Чусовой такъ велики и прихотливы, что, несмотря на довольно быстрый ходъ нашей полубарки, мы только черезъ два слишкомъ часа увидѣли знакомую намъ деревеньку Сулемъ, хотя она по прямой линіи отстоитъ отъ Илимской пристани не болѣе какъ на четыре версты. Подъѣзжая къ этой деревенькѣ, мы были удивлены невиданнымъ до тѣхъ поръ для насъ зрѣлищемъ: нѣсколько коровъ стояли въ разныхъ мѣстахъ рѣки, по брюхо въ водѣ, и отъ времени до времени погружали головы въ быстрыя ея струи по самыя уши, чрезъ нѣсколько секундъ поднимали головы и что-то съ видимымъ наслажденіемъ пережевывали; когда мы подѣхали ближе, оказалось, что коровы достаютъ со дна длинныя нитеобразныя водоросли, покрытыя множествомъ мелкихъ ракушекъ и слизняковъ. Впослѣдствіи мы каждый день, въ особенности передъ вечеромъ, встрѣчали тоже самое около каждой деревеньки; очевидно, что здѣсь коровы, возвращаясь съ пастбища, любятъ на закуску лакомиться сочными водорослями и слизняками. Проплывши Сулемъ, развели, изъ запасенныхъ углей, на очагѣ нашего Ермака огонь и съ наслажденіемъ принялись за чаепитіе, нанились чаю и наши рабочіе, которые видимо не ожидали отъ насъ такого угощенія и были имъ очень довольны. Безъ особыхъ приключеній проплыли еще деревню, тоже знакомую намъ, Романову, а верстахъ въ пяти отъ нея, около 11 часовъ вечера, остановились на ночлегъ на пологой, но узкой полосѣ праваго берега Чусовой; за

этою полосой сплошною стѣной поднимался, до самой вершины гребня прибрежныхъ горъ, отличный хвойный лѣсъ. Наши сплавщики, вытащивъ носъ полубарки на отмель, привязали ее къ камню и затѣмъ развели на берегу большой костеръ. Мы взяли кто топоръ, кто охотничій ножъ и начали рубить мелкія вѣтви хвои, которыхъ и натаскали порядочную кучу въ свою каюту; выставивши оттуда столикъ, разостлали хвою ровнымъ, довольно толстымъ слоемъ по полу каюты, накрыли ее буркой, постлали простыни, положили подушки, одѣяла и сдѣлали такимъ образомъ отличную, мягкую и душистую общую постель, на которой съ удовольствіемъ и растянулись. Наши рабочіе улеглись всѣ вокругъ костра.

Настала невозмутимая тишина; ни въ лѣсу, ни на рѣкѣ не слышно ни малѣйшаго звука; яркое пламя костра освѣщало сравнительно небольшое пространство прибрежнаго лѣса, каменистый берегъ, нашу полубарку, и колеблющимся, струистымъ краснымъ пятномъ отражалось на глубокой черной поверхности рѣки; противоположный высокій берегъ съ его хвойнымъ лѣсомъ, изъ за свѣта костра казался совершенно чернымъ; такими-же черными казались и впереди и назади скалы обоихъ береговъ рѣки; небольшой клочекъ неба, видный между этими высокими берегами, съ мелькающими на немъ звѣздочками, одинъ только представлялся свѣтлымъ во всей этой массѣ темнаго цвѣта. Долго не могъ я заснуть: дикая, но поэтическая картина нашего ночлега, вся эта окружающая обстановка представлялась чѣмъ-то волшебнымъ. Неотвязчивымъ роємъ тѣснились воспоминанія прошлаго; какъ живые вставали образы далекой родины, товарищей и друзей дѣтства и юности; не хотѣлось вѣрить, что всѣ это прошло безвозвратно, что это прошлое ничего не имѣетъ общаго съ настоящимъ.

Передъ утромъ съ рѣки поднялся сильный туманъ, стало холодно, пришлось плотнѣе закутаться оъ одѣяло. Я проснулся уже на солнечномъ восходѣ, когда наши рабочіе, отвязавъ полубарку, готовились отплыть; стаскивать полубарку съ отмели оказалось ненужнымъ, такъ какъ вода за ночь прибыла на нѣсколько вершковъ, вслѣдствіе бывшаго наканунѣ сильнаго дождя въ верховьяхъ рѣки. Одинъ изъ рабочихъ, молодой парень, постоянно намъ услуживавшій, развелъ огонь на очагѣ и приставилъ котелокъ съ водой для чая. Одѣвшись и умывшись, я напился чаю, который въ утреннемъ холодномъ и сыромъ воздухѣ казался особенно пріятнымъ. Молодежь моя еще спала, поэтому я отдалъ чай въ распоряженіе рабочихъ, которые и занялись имъ весьма усердно. Вотъ умѣютъ пить: нальетъ кружку жиденькаго, но горячаго чая, положить около себя кусокъ сахару и прихлебывая изъ кружки, съ такимъ удовольствіемъ уплетаетъ краюшку хлѣба, что просто любо смотрѣть. Тѣмъ временемъ полубарка наша мѣрно плыла по теченію, а прелестные горные виды быстро, какъ въ без-

конечной панорамѣ, мѣнялись передъ глазами. Солнце поднялось изъ-за окружающихъ горъ, туманъ исчезъ и настало прелестное ясное утро, предвѣщавшее отличный теплый день. Проснулась моя молодежь, началось новое чаепитіе. Въ это время въ первый разъ вдали показалась стайка крохалей, которые плыли по теченію за своей маткой, старавшейся держаться ближе къ берегу; скоро мы ихъ догнали и какой-же переполохъ сдѣлался между ними, когда съ полубарки раздался выстрѣлъ—одинъ изъ нихъ остался на мѣстѣ, а остальные, какъ сумасшедшіе, бросились бѣжать внизъ по водѣ, только брызги полетѣли во все стороны; долго бѣжали такъ они, пока не скрылись за поворотомъ рѣки; убитый крохаль оказался уже совсѣмъ почти взрослымъ, оперившимся. Эта стойка крохалей потомъ не подпускала уже насъ на выстрѣлъ; какъ только завидятъ они нашу полубарку, такъ и бросятся опять бѣжать по рѣкѣ; такъ мы гнали ихъ версты три, до тѣхъ поръ, пока впереди не показалась какая-то деревушка; здѣсь крохали остановились въ раздумьи—мимо деревни плыть страшно, а сзади надвигается наша полубарка; наконецъ рѣшились—что есть мочи бросились вразсыпную мимо насъ назадъ и пробѣжали счастливо—наши два выстрѣла не задѣли ихъ. Такія штуки выводки крохалей продѣлывали съ нами во все время нашего пути по Чусовой; но все-таки многіе изъ нихъ достались на кашницу нашимъ рабочимъ. Другой никакой дичи на Чусовой, до самаго выхода изъ горъ, мы не встрѣчали, да ей и водиться здѣсь между скалистыми берегами негдѣ.

Около десяти часовъ утра пристали ненадолго къ Межевой Уткѣ, такъ какъ отсюда мнѣ хотѣлось увѣдомить свою семью о томъ, что мы здоровы и совершенно счастливы своей поѣздкой. Межевая Утка, какъ я уже говорилъ, соединена телеграфомъ съ Тагиломъ; поэтому я пошелъ въ контору спросить—не примутъ-ли отъ меня телеграмму черезъ Тагилъ въ Пермь? Оказалось однако, что постороннихъ телеграммъ не принимаютъ, но, видя мое затрудненіе, мнѣ весьма любезно предложили послать телеграмму къ комунибудь изъ служащихъ въ Нижнемъ Тагилѣ и просить уже его отъ себя телеграфировать въ Пермь. Воспользовавшись этимъ предложеніемъ, я и послалъ телеграмму къ Рудановскому. Такимъ образомъ мы дальше спокойно могли продолжать свой путь,—дома объ насъ не будутъ беспокоиться. Пока я былъ въ конторѣ, сыновья пошли на пристань купить что попадется изъ съѣстнаго для приготовленія горячей пищи; нашли однако-же только крупъ, яицъ и молока; картофелю не могли убѣдить продать—раньше Ильина дня, говорятъ, картофель рыть не будутъ. Здѣсь наши рабочіе узнали, что въ этотъ день, въ часъ пополудни, спустятъ часть пруда Висимо-Уткинскаго завода для сплава четырехъ полубарокъ, нагруженныхъ каждая тремя тысячами пудовъ металла. Оказалось, что съ Уткинской пристани, каждыя двѣ недѣли въ теченіе всей

навигациі, отправляется по три, по четыре полубарки съ желѣзомъ, для чего каждый разъ спускается часть пруда Висимо-Уткинскаго завода. Эти полубарки, по выгрузкѣ металла на устьѣ Чусовой, въ Левшинѣ, куда уже подходятъ пароходы, отправляются обратно бичевой, которую тянутъ три или четыре лошади. Намъ эти пустыя полубарки часто попадались на Чусовой. Сплавщики наши очень радовались ожидаемому спуску воды, ибо помимо большей быстроты плаванія съ прибылою водой, рѣже наша полубарка будетъ наткаться на мель на перекатахъ, хотя, по правдѣ сказать, это послѣднее обстоятельство ихъ мало беспокоило: полубарка была построена прочно и, если ей случалось ткнуться на мелкое каменистое дно, то рабочіе преспокойно соскакивали въ воду и тотчасъ-же сталкивали съ отибли легкую посудину—это не то, что съ грузомъ металла.

За Межевою Уткой скалистые берега Чусовой становятся все выше, все причудливѣе и разнообразнѣе; рѣка здѣсь, на протяженіи слишкомъ двухсотъ верстъ, течетъ какъ будто въ какойто гигантской, чрезвычайно извиистой и глубокой трещинѣ, образовавшейся вслѣдствіе бывшаго когда-то геологическаго переворота поперекъ западныхъ отроговъ Урала; трещина эта имѣетъ ширину не болѣе 50—60 сажень. Отвѣсныя стѣны этой трещины, составляющія берега рѣки, представляютъ необыкновенное разнообразіе наслоеній, самымъ прихотливымъ образомъ перекошенныхъ, перегнутыхъ въ дугу или переломанныхъ при поднятіи Уральскаго хребта. Для геолога здѣсь представляется полная возможность опредѣлить всѣ горныя породы, составляющія эту часть Урала. Извилистость рѣки, слѣдующей этой громадной трещинѣ, такова, что не найдется версты прямого ея направленія; кажется, что плывемъ въ какомъ-то громадномъ, запертомъ со всѣхъ сторонъ скалами, каменномъ ящикѣ; часто случается въ теченіе одного часа видѣть солнце попеременно то съ одной стороны полубарки, то съ другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ отроги Урала, прорѣзанные Чусовой, расходятся между собою на меньшее или большее разстояніе, являются болѣе или менѣе обширныя долины или равнины и на нихъ обыкновенно приютились небольшіе поселки, состоящіе изъ разбросанныхъ въ беспорядкѣ довольно плохихъ избенокъ; странно, что въ этихъ мѣстахъ, т. е. въ долинахъ, встрѣчается и наибольшее паденіе рѣки, иногда видимое на глазъ, съ самыми мелкими и быстрыми перекатами. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ скалы состоятъ изъ болѣе рыхлыхъ породъ, породы эти вывѣтрились, осыпались и образовали болѣе или менѣе крутые склоны, покрытые отъ верху до низу отличнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ разнообразныхъ породъ и хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ; здѣсь встрѣчаются рядомъ—пихта, ель, сосна, лиственница, кедръ, береза, липа, рябина и др. Въ глубокихъ ущельяхъ между горами съ шумомъ падаютъ ручьи, обросшіе по берегамъ ку-

стами красной и черной смородины и прелестными крупными незабудками, которые въ иныхъ мѣстахъ представляютъ сплошной голубой коверъ. Въ прибрежномъ лѣсу, на наносныхъ, обыкновенно неширокихъ, полоскахъ земли, мы встрѣчали отличные экземпляры лилій (*tigrinum*); вообще я не видалъ нигдѣ такого обилія и разнообразія полевыхъ цвѣтовъ, какое встрѣчается здѣсь на каждомъ клочкѣ лужайки. Но до какой степени жгучая здѣсь встрѣчается крапива, просто удивительно: въ одномъ изъ ущелій, желая сломить нѣсколько вѣтокъ красной смородины, я нечаянно обжегъ себѣ крапивою ладонь руки — и она болѣла и чесалась у меня цѣлые три дня.

Проплывши за Межевою Уткой мимо двухъ деревенекъ — Харенокъ, расположенной на широкой равнинѣ по обѣ стороны Чусовой, и Кошки, на лѣвомъ ея берегу, мы остановились около часа дня, на песчаной отмели лѣваго берега противъ скалы, называемой „Омутнымъ камнемъ“ и представляющей отвѣсную, загибающуюся большимъ, почти совершенно гладкимъ полукругомъ, стѣну, сажень въ 30 вышиною, увѣчанную вверху крупнымъ лѣсомъ, молодая поросль котораго, вмѣстѣ съ мхомъ и лишайникомъ, лѣпится по всѣмъ щелямъ и разсѣлинамъ этой скалы. Замѣчательно ясно и отчетливо отражается здѣсь звукъ; въ крайнее недоумѣнiе пришелъ нашъ Плутонъ, когда на нашъ зовъ, съ противоположнаго берега черезъ секунду слышался такой-же громкій и ясный откликъ; смѣшно было смотрѣть, какъ онъ, наклоняя на ту и на другую сторону голову, прислушиваясь и заглядывая наверхъ скалы, думалъ увидать того, кто кричитъ оттуда.

Пока варилась каша съ только что застрѣленной уткой, мы искупались и попробовали удить харіусовъ, но неудачно: вода послѣ дождей была еще мутна и харіусы не брали на удочку; поэтому занялись ужениемъ пискарей, которые такъ и кишѣли около полубарки; рабочіе, въ какіе нибудь полчаса времени, натаскали ихъ цѣлый котелокъ и сварили себѣ изъ нихъ щербу, съ небольшимъ количествомъ пшена. Постоявъ часа три, пустились въ дальнѣйшій путь.

Съ Омутнаго камня начинаются самыя опасныя мѣста для весняго силава; одна за другою слѣдуютъ здѣсь скалы, получившія у силавщиковъ различныя названія; въ этотъ день мы проплыли, кромѣ Омутнаго камня, „Красный камень“, „Олений камень“, „Синій камень“, „Столбы“. Собственно говоря, по первому взгляду, скалы, получившія названія, не представляютъ ничего особеннаго: много встрѣчается на пути имъ подобныхъ, но дѣло въ томъ, что въ отношеніи къ нимъ направленіе теченія рѣки и быстрина ея таковы, что скалы эти представляютъ особенную опасность для судовъ. Такъ напримѣръ, Омутной камень представляетъ, какъ я уже сказалъ, вогнутую скалу, но она находится на крутомъ поворотѣ рѣки и притомъ непосредственно за весьма быстрымъ ея паденіемъ; съ противоположнаго берега идетъ

большая отмель, а у самой скалы глубина очень большая. Такъ и тянуть туда барки, говорятъ сплавщики, и достаточно малѣйшей оплошности, чтобы барка или разбилась, или опрокинулась ударившись о скалу, что и бывало весьма нерѣдко. Тоже должно сказать и о другихъ скалахъ, получившихъ какое нибудь названіе уже по наружнымъ ихъ признакамъ. Лѣтомъ все эти камни не представляютъ никакой опасности, такъ какъ нѣтъ такого бѣшеннаго теченія, какое бываетъ весной; лѣтомъ одна опасность, это сѣсть на мели или наткнуться на камень, лежащій на днѣ рѣки, иногда едва прикрытый водой, а такихъ камней въ руслѣ рѣки много и усмотрѣть ихъ иногда весьма трудно при быстро текущей водѣ, да если къ тому-же ее рябитъ вѣтромъ. Поэтому нужны чрезвычайная опытность и знаніе всѣхъ отмелей, чтобы не попасть на нихъ; нашъ лоцманъ, да и все наши рабочіе были люди очень опытные и знакомые съ Чусовой какъ со своимъ домомъ и однако же намъ все-таки не разъ случалось наткаться на подводные камни; но для нашей полубарки бѣды въ этомъ не было. Совсѣмъ иное дѣло съ нагруженнымъ судномъ — какъ разъ можно проломить дно. Если-бы не эти подводные камни, то можно положительно сказать, что Чусовая была бы совершенно безопасна для сплава металловъ, въ небольшихъ полубаркахъ вмѣстимостью до 3—4 тысячъ пудовъ, въ теченіе всей навигаціи, пользуясь только для каждаго небольшого каравана запасною водой заводскихъ прудовъ, какъ это дѣлается, хотя и съ опасностію въ настоящее время, заводами Висимо-Уткинскимъ и Кыновскимъ.

Недоѣзжая версты полторы до скалъ, названныхъ Столбами, мы остановились, на лѣвомъ берегу Чусовой, для осмотра замѣчательнаго памятника, о которомъ сплавщики говорили намъ еще раньше. Въ этомъ мѣстѣ лѣвый берегъ представляетъ довольно обширную невысокую площадку наносной земли, длиною сажень сто, шириною сажень въ пятьдесятъ; все площадка, заросшая густою зеленою травой, ищренной множествомъ полевыхъ цвѣтовъ, ограничена дугою отступившихъ въ этомъ мѣстѣ отъ рѣки горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ; противоположный берегъ рѣки представляетъ отвѣсную скалу сажень въ 30 вышиною. На самой срединѣ зеленой площадки, представляющей живописное, прелестное мѣстечко, на довольно широкомъ пьедесталѣ, сложенномъ изъ грубо отесанныхъ камней, стоитъ крестъ, аршинъ трехъ вышиною, толщиною вершковъ шести, вытесанный изъ цѣльнаго камня; крестъ укрѣпленъ въ четырехугольномъ отверстіи большой плиты, покрывающей пьедесталъ. На сторонѣ этого креста, обращенной къ рѣкѣ, высѣченъ барельефомъ небольшой осьмиконечный крестъ, а на сторонѣ противоположной глубоко вырѣзана, отлично сохранившаяся, надпись, которую я привожу дословно, сохраняя ея правописаніе:

1724 года
сентября
8 дня на
семь месте

родился у статскаго действительнаго советника Акинѣя Никитича Демидова (что тогда былъ дворяниномъ)

сынъ Никита
Статскій советникъ и кавалеръ
святаго станислава поставленъ
оной крестъ на
семь месте по
желанію его
1779 года маія
31 числа.

На противоположномъ берегу рѣки, прямо противъ этого креста, въ стѣнѣ скалы вырубленъ рельефомъ такой-же крестъ, только большей величины и на немъ, какъ говорили сплавщики, вырѣзанная такая-же надпись. Крестъ этотъ съ рѣки очень ясно видѣнъ, но надписи на немъ разобрать нельзя, такъ какъ онъ вырубленъ на высотѣ сажень десяти надъ поверхностью воды.—Это здѣсь родился тотъ Никита Демидовъ, который славился во время Екатерины своимъ богатствомъ, самодурствомъ и чудачествомъ и о которомъ на Уралѣ сохранились легендарные рассказы*). Чусовая была стало быть когда-то большою дорогой Уральскихъ заводчиковъ, и вотъ, когда мать Никиты Демидова вѣроятно возвращалась изъ лѣтней своей резиденціи, Тагильскихъ заводовъ, безъ сомнѣнія въ такой-же полубаркѣ или подобной той, въ какой и мы плыли, случилось съ нею на берегу Чусовой, въ холодную сентябрьскую погоду, то, для чего потомки ея ѣздятъ теперь за границу, окруженные всевозможною роскошью и попеченіемъ. Неприхотливы да и крѣпки-же въ прежнее время были даже богатые люди!

Подъ вечеръ мы очень обрадовались, встрѣтивъ рыбака, у котораго оказалось полное лукошко только что пойманныхъ харіусовъ; мы отобрали изъ нихъ двѣнадцать штукъ самыхъ крупныхъ, отъ 8 до 9 вершковъ и купили ихъ за 25 коп. Не намѣреваясь къ ужину ихъ варить, мы ихъ только вычистили, немного просолили и оставили до слѣдующаго дня.

Въ сумерки остановились на ночлегъ въ прелестномъ уголкѣ,

*) Я слышалъ здѣсь такой разсказъ: У Никиты Демидова, на днѣ глубокаго Тагильскаго мѣднаго рудника, дѣлались деньги; работали ихъ бѣглецы люди не только отъ помѣщиковъ, но и изъ Сибири. Такихъ рабочихъ на частныхъ заводахъ въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно было немало. Однажды мѣстные власти, вѣроятно по приказанію свыше, хотѣли сдѣлать обыскъ въ заводѣ Демидова; узнавши объ этомъ, онъ немедленно приказалъ затопить рудникъ со всѣми находившимися въ немъ людьми, а затѣмъ еще и насыпался надъ тѣми кто хотѣлъ его нагрѣть.

окруженномъ высокими живописными скалами; ночью стало холодно и туманно и намъ пришлось завѣсить открытую сторону нашей каюты, за неимѣніемъ ничего другого, простынями,—все-таки въ каютѣ стало потеплѣе. Туманъ не далъ и утромъ рано сняться съ ночлега, заставивъ пробыть на немъ долѣе обыкновеннаго, въ виду того, что предстояло пройти большой перекалъ, на которомъ много подводныхъ камней; отплыли съ ночлега только въ 7 часовъ утра. Надо было полюбоваться на нашихъ рабочихъ, въ особенности на лоцмана—съ такимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла проводили они нашу полубарку по длинному и чрезвычайно быстрому перекалу. За этимъ перекаломъ, на крутомъ поворотѣ рѣки правый берегъ ея представляетъ высокую стѣну, называемую „Дужнымъ камнемъ“. Здѣсь наслоеніе горныхъ породъ представляется чрезвычайно интереснымъ; слои эти, сначала почти прямолинейные, имѣютъ крутое паденіе справа налѣво; затѣмъ, въ мѣстности не болѣе тридцати сажень шириною, слои эти представляются правильно изогнутыми дугообразно, съ вершинами дугъ обращенными кверху,—это и есть Дужной камень; затѣмъ еще дальше слои эти, хотя уже не такъ правильно и не съ такимъ большимъ наклономъ, но замѣтно идутъ по тому-же направленію, какое имѣли они не доходя до Дужного камня. Мѣста эти вообще всѣ чрезвычайно интересны и живописны, но понятно, что быстро мѣняясь передъ глазами, они приглядываются и вниманіе останавливается только на чемъ нибудь уже совершенно особенномъ.—Проплывъ устье рѣчки Серебрянки, на которой, верстахъ въ двѣнадцати отъ Чусовой, стоитъ Серебрянскій казенный заводъ, около полудня мы увидѣли новое весьма живописное мѣсто, называемое „Печкою камнемъ“. Камень этотъ на лѣвомъ берегу рѣки представляетъ, въ высокой стѣнѣ, широкое сводообразное углубленіе, въ которое быстрыя струи Чусовой бьютъ почти подъ прямымъ угломъ, образуя водоворотъ и огибая затѣмъ выдающуюся часть скалы, круто поворачиваютъ направо. Подъѣзжая къ этому мѣсту, кажется, что попадаешь въ какой-то глухой рукавъ рѣки—справа, слѣва и спереди тѣсняются высокія скалы и дальнѣйшее теченіе рѣки становится виднымъ только тогда, когда подплываешь уже вплотъ къ Печкѣ-камню. За Печкою-камнемъ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ—„Кирпичный камень“, названный такъ не по одному только красному цвѣту, но и по строенію пластовъ: онъ представляется стѣною, сложенною какъ будто изъ громадныхъ кирпичей; затѣмъ „Мултыкъ“ и „Высокій камень“, представляющій одну изъ самыхъ высокихъ скалъ на Чусовой и одну изъ весьма опасныхъ для судовъ; скала эта по своему ребристому виду, съ которымъ она спускается въ рѣку, носитъ еще названіе „Остряка“.

Пообѣдавъ отличною ухой изъ купленныхъ наканунѣ харіусовъ, мы, во второмъ часу пополудни, пристали къ Кыновскому, графа

Строганова, заводу, раскинувшемуся въ весьма живописной мѣстности на лѣвомъ берегу Чусовой, по рѣчкѣ Кыну. Пока наши рабочіе варили себѣ кашу изъ молодыхъ крохалей, убитыхъ утромъ, моя молодежь отправилась въ селеніе завода, гдѣ и купили хлѣба, яицъ и молока; запасъ этотъ нужно было сдѣлать имѣя въ виду, что дальше по Чусовой заводовъ уже нѣтъ, а въ маленькихъ прибрежныхъ деревенькахъ, какъ я уже говорилъ, достать порядочнаго хлѣба нельзя. Здѣсь мы узнали, что изъ Кыновскаго завода, въ это утро, пользуясь прибылою водою, а также и частью воды, спущенной изъ Кыновскаго пруда, вышли двѣ довольно большихъ полубарки съ желѣзомъ; эти полубарки мы потомъ встрѣтили уже возлѣ чусовской желѣзно-дорожной станціи въ незавидномъ положеніи. Въ Кыновскомъ заводѣ привелось видѣть смѣшную сцену брани бабы съ мужикомъ, очевидно ея мужемъ. Порядочно пьяный мужикъ вынесъ изъ избы курицу и началъ ее купать въ Чусовой, приговаривая—ишь шельма, сидѣть вздумала, чужія яйца портить, вотъ я тебя!—Мы, ради забавы, хотѣли купить эту курицу, чтобы посадить ее въ нашей полубаркѣ на яйца; мужикъ сталъ было соглашаться, какъ вдругъ изъ избы выбѣжала баба отняла курицу у мужика и начала его ругать, да какъ, просто мы диву дались,—такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ, до того быстро, что невозможно даже было уловить отдѣльныхъ словъ! Мужикъ молча, только растопыривъ руки, постоялъ и пошелъ домой, провожаемый разъярившеюся бабой. По этому поводу наши рабочіе замѣтили, что здѣсь, по Чусовой, бабы такъ ругаются, какъ нигдѣ, особенно если баталія поднимается между двумя, тремя изъ нихъ, безъ участія мужиковъ, хотя и въ ихъ присутствіи; ругань обыкновенно оканчивается такою штукой, которую бабы выкидываютъ другъ передъ другомъ, что послѣ этого остается только или вцѣпиться въ волосы, или плюнуть и разойтись.

Вечеромъ въ этотъ день мы приплыли къ Ослянской пристани. Можно судить какъ велики изгибы Чусовой, если припомнимъ, что Ослянская пристань отстоитъ, сухимъ путемъ, отъ Илимки на шестьдесятъ верстъ, а между тѣмъ это разстояніе по Чусовой мы плыли болѣе двухъ дней, хотя ходъ нашей полубарки былъ не менѣе семи верстъ въ часъ. Кстати замѣтить, карта Чусовой, которую я досталъ въ Перми, оказалась составленною весьма плохо, очевидно съ маху, просто на взглядъ: судя по этой картѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы проходили верстъ по тридцати въ часъ, въ другихъ—же на одинъ часъ хода приходилось только какъ будто версты по три, по четыре, что по ходу барки и въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно невозможно.

Ослянская пристань представилась намъ очень пустыннымъ поселеніемъ; на берегу выдается изъ другихъ построекъ довольно большой домъ, съ палисадникомъ; здѣсь весною помѣщается контора и

служащіе при отправкѣ металловъ; теперь онъ былъ повидимому пустой, въ окнахъ никого не было видно, несмотря на прелестный вечеръ и на необычное появленіе пашей полубарки съ флагомъ противъ самаго дома. Въ Ослянкѣ удалось купить порядочное количество картофеля и масла; къ сожалѣнію, масломъ не удалось воспользоваться—мой Плутонъ на другой-же день все его преспокойно съѣлъ. Отъѣхавъ отъ Ослянки верстъ десять, мы остановились почевать на правомъ берегу Чусовой, покрытомъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ; ночь, при совершенно ясномъ небѣ, была такъ тепла, что намъ не понадобились купленные въ Кыновскомъ заводѣ рогожки, которыми намѣревались завѣшивать нашу каюту. Когда взошелъ мѣсяцъ и освѣтилъ блестящія воды Чусовой и нашу стоянку, съ огромнымъ костромъ на берегу, картина представилась очаровательною; мы зажгли свѣчу и долго, чайничая, любовались этою картиной. Съ этого времени до самаго конца нашего путешествія погода все время стояла теплая, ясная и безвѣтренная, какая рѣдко бываетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, такъ что все наше плаваніе было истиннымъ удовольствіемъ, котораго не нарушали ни мошки, ни комары, представляющіе обыкновенно большое мученіе во время подобныхъ путешествій; этимъ лѣтомъ, напротивъ, мошекъ совсѣмъ не было, а комары только изрѣдка появлялись передъ вечеромъ и то ненадолго.

Въ 9 часовъ слѣдующаго утра, проходя мимо небольшой деревни „Копчика“, мы увидѣли на берегу нѣсколько новыхъ, долбленыхъ изъ осины, длинныхъ и узенькихъ лодочекъ, какія обыкновенно, какъ я уже говорилъ, употребляются на Чусовой; остановившись здѣсь, мы отыскали хозяина этихъ лодокъ и одну изъ нихъ, еще не обитую боковыми досками, купили за 3 руб. 50 коп., и прицѣпивши къ борту Ермака, отправились дальше. Эта лодочка намъ впослѣдствіи была очень полезна при доставаніи убитыхъ крохалей, что прежде было сопряжено съ значительнымъ затрудненіемъ, такъ какъ каждый разъ приходилось приставать къ берегу и посылать собаку, причемъ тратилось много времени. Деревня Копчикъ замѣчательна тѣмъ, что въ ней, вмѣстѣ съ бывшими Строгановскими крестьянами, живутъ Вогулы, которыхъ осталось уже очень немного въ здѣшнемъ краю.

Въ семи верстахъ ниже Копчика мы прошли мимо скалы праваго берега, называемой „Ермакомъ“; скала эта представляетъ отвѣсную стѣну саженъ около тридцати вышиною, въ которой почти на срединѣ высоты находится широкое сводообразное отверстіе идущей въ глубь горы щель, о которой между сплавщиками сохранилось преданіе, что здѣсь Ермакъ, при походѣ въ Сибирь, провелъ, вмѣстѣ со своими удалъцами, дѣлую зиму. Преданіе это врядъ-ли впрочемъ имѣетъ историческое основаніе; что здѣсь былъ Ермакъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но зимовья его были въ другихъ мѣстахъ Урала. Относи-

тельно самой обширности пещеры существуетъ разногласіе: Миллеръ въ Сибирской исторіи, говоритъ, что пещера въ Ермакъ-камя въ весьма обширна и раздѣляется на нѣсколько гротовъ, что по мѣстному преданію Ермакъ зимовалъ въ ней и затѣмъ, отправляясь далѣе въ рѣчку Серебрянку, схоронилъ въ этой пещерѣ большія сокровища; между тѣмъ академикъ Георги, посѣтившій эти мѣста Чусовой въ 1771 году, говоритъ, что его спутникъ Лебедевъ лазилъ въ эту пещеру, но не нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго и что ея глубина не болѣе двухъ сажень. Побывалъ-ли кто въ этой пещерѣ послѣ, я не знаю, но наши рабочіе говорили, что еще недавно изъ отверстія пещеры висѣла толстая веревка, которая доходила почти до воды; теперь этой веревки нѣтъ и мы не могли даже и попытаться попастьъ въ эту пещеру въ виду высоты ея отверстія надъ уровнемъ рѣки. О походѣ-же Ермака на Сибирь и въ Миллеровой Сибирской исторіи и въ Сибирской лѣтописи говорится, что Ермакъ, въ первый свой походъ, въ 1578 году, поднявшись на стругахъ по Чусовой до устья Сылвы, поплылъ, по ошибкѣ не по Чусовой, а по Сылвѣ, на которой и пришлось ему провести зиму въ мѣстности, которую онъ укрѣпилъ валами и тыпомъ и которая послѣ получила названіе „Ермакова городища“, но мѣсто этого городища въ настоящее время неизвѣстно. Вернувшись отсюда весною 1579 года въ вотчины Строгановыхъ, Ермакъ въ то же лѣто поплылъ по Чусовой до рѣки Серебрянки; но какъ плаваніе по Чусовой и въ особенности по Серебрянкѣ, противъ теченія, представляло чрезвычайныя трудности, то поднявшись недалеко отъ устья Серебрянки, Ермакъ долженъ былъ оставить струги и идти сухимъ путемъ, а какъ приближалась уже зима, то дойдя до устья рѣчки Кокуя, впадающей въ Серебрянку, онъ остановился здѣсь и провелъ зиму 1579—1580 года; здѣсь остались и слѣды его зимовья въ валахъ и рвахъ, называемыхъ также Ермаковымъ городищемъ. Отсюда Ермакъ перешелъ сухимъ путемъ до рѣчки Баранчи, впадающей въ Тагиль уже на восточномъ склонѣ Урала. Такимъ образомъ не представляется возможнымъ допустить и по времени, чтобы Ермакъ провелъ зиму въ пещерѣ Ермакова камня.

Въ два часа пополудни, пройдя быстрый и очень мелкій перекалъ, называемый Ермаковымъ переборомъ, мы остановились для отдыха на правомъ берегу рѣки подъ скалами, чрезвычайно причудливо выдавшимися среди зелени лѣса и нависшими надъ водою. Пока варились кашица для рабочихъ, двое изъ нихъ отправились ловить стрекозъ и паутовъ для уженія харіусовъ, а мы, искупавшись, принялись за приготовленіе окрошки изъ говядины, яицъ и огурцовъ съ квасомъ, который у насъ оставался еще отъ Илимскаго запаса; отлично поѣвши этого кушанья, я легъ отдохнуть, а молодежь съ лоцманомъ отправились на перекалъ удить харіусовъ. При этомъ оказалось, что и ласы нашихъ удочекъ тонки и крючки малы, — множество харіусовъ срыва-

лись, а нѣкоторые, самые большіе, даже обрывали лесы; сильно мы пожалѣли, что не запаслись болѣе прочными лесами и крючками съ искусственными насадками, такъ какъ харіусы безпрестанно хватили наживку, причѣмъ часто ее срывали, причиняя тѣмъ большую досаду; несмотря однако-же на всѣ неудачи, наши рыболовы выудили 13 отличныхъ рыбъ, изъ которыхъ потомъ вышла великолѣпная уха, а двѣ наиболѣе крупныя рыбы приготовили разварными, съ яйцами въ маслѣ, которое было сбито изъ сливокъ.

Здѣсь, пользуясь ущельями между скалами, мы вздумали взобраться на ихъ вершину; я могъ подняться только на вершину первой скалы, наиболѣе выдавшейся и нависшей надъ рѣкою; оказалось, что надъ нею громоздятся еще болѣе высокія и причудливыя скалы, на которыя я уже не рѣшился подниматься; сыновья полѣзли дальше; поднявшись на вторую скалу, они увидѣли вправо замѣчательную картину разрушенія: очевидно не такъ давно громадная часть горы обрушилась и увлекла въ своемъ паденіи покрывавшій ее лѣсъ; между обломками скалъ были нагромождены, переломанныя, исковерканныя и вырванные съ корнемъ, деревья. Картина поражала своею дикостью.

Во время нашего ночлега, на который въ этотъ день мы встали довольно рано, вода быстро начала прибывать; насъ теперь догналъ валъ воды изъ Висимо-Уткинскаго завода. Утромъ, когда моя молодежь еще спала, мы прошли мимо камней „Большого Разбойника“ и „Четырехъ братьевъ“; и тотъ и другой представляютъ отвѣсныя скалы праваго берега. Первый изъ этихъ камней, выходя острымъ ребромъ въ рѣку, на крутомъ ея поворотѣ, послѣ весьма быстрого переката, былъ особенно страшенъ въ прежнее время для весеннихъ каравановъ, на что указываетъ и его названіе; недавно наиболѣе выдающаяся часть его взорвана и весною возлѣ него ставятся заплавни. Четыре брата, находящіеся ниже Разбойника саженъ на полтора, не представляютъ особенной опасности для судовъ и получили названіе по своему рѣзко-выдѣляющемуся виду: въ крутомъ склонѣ прибрежной горы, поросшей великолѣпнымъ лѣсомъ, четыре брата представляютъ четыре вертикальныхъ стѣны, почти въ равномъ разстояніи одна отъ другой, далеко выдававшіяся изъ массы окружающей ихъ зелени деревьевъ. Мѣста, которыя мы теперь проплывали, представляются одними изъ самыхъ живописныхъ по необыкновенному разнообразію прибрежныхъ скалъ, перемѣшанныхъ прихотливымъ образомъ съ яркою зеленью лѣса. Здѣсь, за четырьмя братьями, скоро показались другія скалы, немногимъ развѣ менѣе опасныя чѣмъ Разбойникъ, — „Отметышь“, скала, состоящая какъ бы изъ двухъ громадныхъ быковъ, далеко выдающихся въ рѣку и обращенныхъ острыми ребрами противъ теченія; „Коврижка“, „Гусельный камень“, „Сосунъ“ слѣдуютъ одинъ за другимъ. И каждая изъ

этихъ скалъ сопровождалась воспоминаніями нашихъ рабочихъ о несчастіяхъ, случавшихся здѣсь или съ ними, или съ ихъ товарищами. Такъ объ Отметышѣ рассказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ тутъ сразу одна за другой разбились восемь барокъ; о Гусельномъ, что однажды коломенка такъ налетѣла на него, что мгновенно опрокинулась, причемъ утонуло 17 человекъ рабочихъ, изъ всей команды спасся только одинъ, выскочивъ на уступъ скалы, съ котораго его достали веревкой, спущенной сверху.

Скоро насъ нагнали Уткинскія полубарки, плавно и быстро несшіяся съ прибылою водой и подгоняемая мѣрными ударами длинныхъ весель; торопясь плыть, чтобы не потерять воду, полубарки шли день и ночь, и большею частию на веслахъ, но четыре съ каждой стороны, — какъ говорятъ здѣсь, „шли на гребяхъ“. На каждой полубаркѣ, на кормѣ и на носу, у большихъ весель или „навѣсей“, стоятъ рулевые, направляющіе ходъ судна; при частыхъ поворотахъ и лавированіи между подводными камнями непрерывно слышится команда „сплавщика“, который неотлучно стоитъ на носу судна и зорко слѣдитъ за его ходомъ и за струями воды, которыя обозначаютъ подводные камни и отмели. Сплавщикъ есть неограниченный командиръ рабочихъ, которые повинуются ему безпрекословно; но онъ отвѣчаетъ исключительно только за ходъ судна; цѣлость-же имущества, находящагося на суднѣ, ввѣряется не сплавщику, а „водоливу“, который и несетъ единолично за него отвѣтственность. Замѣчательно, что при сплавѣ судовъ здѣсь артельного начала не существуетъ и вслѣдствіе этого нѣтъ общей отвѣтственности. Случаи мошенничества, — продажи металловъ или какого-нибудь имущества, принадлежащаго судну — хотя и бываютъ, но рѣдко и хотя бы въ этомъ мошенничествѣ участвовали и сплавщикъ и рабочіе, по отвѣтственность лежитъ единственно на водоливѣ. Одинъ изъ нашихъ рабочихъ, передній гребецъ лѣваго борта, Ефимъ, порядочный лѣнтій, рассказывалъ такой случай. Сплавляли они отъ подрядчика Фридланда казенное желѣзо съ Осянскою пристани въ Пермь; на одной изъ полубарокъ, на которой Ефимъ былъ сплавщикомъ, находился чугунный лоть пудовъ въ двадцать. Надо сказать, что при весеннемъ сплавѣ караваны ночью не плывутъ, въ виду опасности отъ камней, да притомъ тогда нечего бояться, что вода скоро спадетъ; караваны останавливаются обыкновенно въ 7 часовъ вечера на ночлегъ, а съ разсвѣтомъ пускаются дальше. Опытные и честные сплавщики стараются остановиться внѣ селеній и не вблизи ихъ, для того, чтобы рабочіе не имѣли соблазна что-нибудь стащить и продать. Ефимъ очевидно держался другого правила. „Оста- новились мы, рассказывалъ онъ, въ Чусовскихъ городкахъ; пошелъ я въ кабакъ, а тамъ одинъ человекъ и говоритъ мнѣ — у васъ, говоритъ, я слышалъ, есть на полубаркѣ лоть, вамъ вѣдь его не

„нужно, продайте, говорить, мнѣ.—Я ему и говорю, это, молъ, дѣло
 „водолиново, не знай согласится-ли.—А ты ему, говорить, поговори.—
 „Вотъ пошелъ я на полубарку и говорю водоливу,—вотъ, молъ, что,
 „лоть просять продать, такъ какъ, молъ, ты, согласенъ что-ли?—
 „Что ты, говорить съ ума снятилъ, съ меня вѣдь спросятъ.—Ну вотъ
 „тебѣ, говорю, скажемъ, что спускали его, да онъ оборвался, вотъ и
 „вся недолга.—А рабочіе, говорить, пожалуй донесутъ?—А мы имъ,
 „говорю, водки подадимъ.—Согласился мой водоливъ; продали мы лоть
 „никакъ рублей за семь; купили водки, поднесли рабочимъ по ста-
 „канчику; все пошло какъ слѣдуетъ; на каждой ночевкѣ мы съ во-
 „доливомъ порядочно хватимъ.—Надо бы, говорить, и рабочимъ тоже.—
 „Ну вотъ, молъ, будетъ съ нихъ. Ладно. Приплыли мы въ Мотови-
 „лиху (пушечный заводъ около Перми), думали все дѣло кончилось,
 „апъ рабочіе то и донесли Фридляндову прикащику. Призываетъ онъ
 „водолива.—Какъ, говорить, такъ было, рассказывай.—Онъ на меня.
 „За мной.—Ты сплавщикъ такого то номера полубарки?—Я, молъ.—
 „Какъ-же вы, говорить, смѣли въ Чусовскихъ городкахъ лоть про-
 „дать?—Я, молъ, ничего не знаю, дѣло водолиново.—А ты, говорить,
 „не видалъ какъ сгружали эку махину?—Почемъ, молъ, я знаю;
 „умаешься за день то, такъ ночью то, молъ, крѣпко спится.—Спро-
 „силъ онъ рабочихъ; тѣ, знамо дѣло, на водолива, ему, молъ пору-
 „чается.—Вотъ и принялся, братецъ мой, онъ за водолива, ужъ онъ
 „его утюжилъ, утюжилъ, да еще пять рублей штрафу взялъ. Вышли
 „мы изъ конторы, я и говорю водоливу—что, молъ, взялъ? Пошли
 „въ кабакъ; смѣху что было, задразнили, братецъ мой, его. Такъ-то,
 „прибавилъ разказчикъ, все поручается водоливу, онъ и береги“.

Ниже маленькой деревни Конвы, пройдя быстрый перекалъ, оста-
 новились для отдыха гребцовъ и обѣда на лужайкѣ лѣваго берега.
 Здѣсь на перекалѣ снова наловили полтора десятка отличныхъ харіу-
 совъ; къ удивленію оказалось, что харіусы прекрасно берутъ на чер-
 вей, чего не зналъ и нашъ лоцманъ.—Вскорѣ послѣ обѣда, проходя
 около выдававшихся камней праваго, скалистаго берега, мы увидали
 утопленника, который застрялъ между камнями; мы были поражены
 тѣмъ, что на утопленника былъ надѣтъ съ головы мѣшокъ, завязан-
 ный у колѣнъ, что конечно указывало на убійство. Наши сплавщики
 замѣтили только, что здѣсь это не рѣдкость, что Чусовая обыкновен-
 но служить большою дорогой для бѣглыхъ изъ Сибири и ихъ нерѣдко
 выдаютъ ночью сплавщики на челнокахъ. Такъ что мудренаго, гово-
 рятъ, если и случится какая бѣда съ кѣмъ нибудь изъ бѣглыхъ или
 изъ жителей, на которыхъ бѣглые иногда бываютъ злы; пробовали,
 говорятъ, ловить бѣглыхъ и представлять по начальству, такъ еще
 хуже—на слѣдующій годъ, а иной разъ и въ то-же лѣто либо убьютъ,
 либо спалятъ. Ефимъ и при этомъ случаѣ выдержалъ характеръ,—

глядите-ка, говорить, братцы, вѣдь на немъ сапоги, да никакъ новенькіе! Очевидно ему очень хотѣлось ихъ снять.

Передъ вечеромъ мы нагнали Уткинскія полубарки, не доходя версты три до Чусовской желѣзно-дорожной станціи; всѣ онѣ стояли у берега повидимому въ большомъ затрудненіи, такъ какъ впереди, на самой срединѣ рѣки, крѣпко засѣла на мель одна изъ Кыновскихъ полубарокъ, съ которой раздавалась непомѣрная ругань, — очевидно команда полубарки катила на всѣ борки своего оплошавшаго командира-сплавщика. Мы прошли мимо нихъ, пристали ненадолго къ Чусовской станціи, чтобы послать телеграмму съ извѣстіемъ о себѣ въ Пермь, а затѣмъ, пройдя подъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ, верстахъ въ пяти ниже остановились на ночлегъ. Вскорѣ мимо насъ прошли и всѣ Уткинскія полубарки, которыя, какъ видно, благополучно миновали ставшее на мель судно.

За Чусовской желѣзно-дорожной станціей характеръ рѣки и окружающей мѣстности совершенно измѣнился. Здѣсь мы оставили за собой главный Уральскій хребетъ и вышли изъ того каменнаго коридора, которымъ плыли отъ самой Уткинской пристани; горизонтъ расширился, Чусовая потеряла характеръ горной рѣки; здѣсь она разливалась въ широкія плеса между пологими луговыми берегами, появились большіе, покрытые стогами скошеннаго сѣна, острова; дно рѣки сдѣлалось болѣе песчанымъ, а не каменистымъ съ крупною галькой, какимъ было до сихъ поръ; перекаты хотя и здѣсь попадались, но изрѣдка и не такіе быстрые; вообще теченіе рѣки сдѣлалось болѣе спокойнымъ и тихимъ; въ иныхъ мѣстахъ отроги Урала приближаются къ рѣкѣ, но это уже не скалистые массы, стѣною опускающіяся въ воду, а пологія возвышенности, на которыхъ между лѣсомъ начали появляться и распаханная поля. Здѣсь поэтому для сплава судовъ уже нѣтъ опасности отъ прибрежныхъ скалъ; но за то представляется другая опасность, для устраненія которой ничего не сдѣлано до сихъ поръ. Чусовая, несмотря на низменные берега, и здѣсь не теряетъ своей извилистости и образуетъ кромѣ того много низкихъ острововъ; всѣ эти низменные берега и острова во время весенняго половодья затопляются водой и для сплавщиковъ нужно много умѣнья и знанія мѣстности, чтобы держаться русла рѣки, не попасть на затопленные острова или берега и не погубить судна. Мы проплыли мимо двухъ большихъ коломенокъ, переломившихся на отмеляхъ острововъ и оставшихся тутъ отъ предъидущаго весенняго сплава. А между тѣмъ не большого бы расхода потребовалось на постановку весеннихъ знаковъ для указанія фарватера.

На обширныхъ равнинахъ стали попадаться большія села; одно изъ такихъ селъ, Чусовскіе городки, принадлежавшее прежде гр. Строгановымъ, мы прошли на слѣдующій день подъ вечеръ. Къ Чусовскимъ

городкамъ лѣтомъ подходитъ только небольшой и неглубокій рукавъ рѣки; главное ея русло находится за большимъ песчанымъ островомъ; наша полубарка и прошла этимъ русломъ, а въ городки поѣхали мои сыновья съ однимъ изъ гребцовъ на нашей маленькой лодочкѣ, для закупки хлѣба и молока. Верстахъ въ двухъ ниже городковъ они присоединились къ намъ. Проплывъ еще версты три и выбравъ уютное мѣстечко на правомъ берегу, остановились на ночлегъ; это была послѣдняя ночь, которую мы провели на стоянкѣ; наше семидневное плаваніе начинало уже надоѣдать, особенно по сильной жарѣ, сдѣлавшейся болѣе чувствительною въ открытой мѣстности, которая и сама по себѣ не представляла большого интереса; уженье хариусовъ тоже окончилось: ниже Чусовской станціи они уже не попадались; къ тому же насъ дразнили поѣзда Уральской желѣзной дороги, которая здѣсь въ иныхъ мѣстахъ подходитъ къ самому берегу рѣки. Всѣ это заставило насъ, съ согласія рабочихъ, рѣшиться слѣдующую ночь не останавливаться на ночлегъ, а плыть. Благодаря этому, на седьмой день послѣ нашего выѣзда съ Илимской пристани, мы, пройдя устье Сылвы, около полудня пришли къ Левшину, первой отъ Перми желѣзнодорожной станціи, которая находится у устья Чусовой. Здѣсь остановились для отдыха, послали къ своимъ въ Пермь телеграмму и выкушавшись послѣдній разъ въ Чусовой, занялисьстряпней походнаго обѣда, который, за неимѣніемъ хариусовъ, состоялъ на этотъ разъ изъ картофеля, приготовленнаго съ молокомъ и яицами. Рабочіе тѣмъ временемъ сготовили себѣ похлебку изъ нѣсколькихъ крохалей и крошнени, убитыхъ наканунѣ. Послѣ безсонной ночи и кружки вина, которая досталась каждому изъ остававшагося запаса, они до того размалѣли, что едва потомъ шевелили веслами. Въ четыре часа пополудни, мы выплыли на Каму и лоцманъ поздравилъ насъ съ благополучнымъ окончаніемъ пути,—до Перми оставалось 12 верстъ. Потянулъ верховый вѣтерокъ, мы пристроили къ флагштоку простыню въ видѣ паруса и въ 5¹/₂ часовъ причалили къ Пермской пристани, гдѣ насъ встрѣтила вся моя семья, только что получившая нашу телеграмму изъ Левшина.

Е. Янишевскій.

